

Д. О. ГОРНОСТАЕВ

ЧЕРНОДОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ (ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!)

Дмитрий Осипович Горностаев, автор публикуемых заметок, бывший секретарь Славгородского уездного комитета партии. Его брат, Николай Осипович, был членом подпольного комитета по подготовке Чернодольского восстания 1918 года.

В записках Д. О. Горностаев использовал не только свои воспоминания, но и рассказы многих участников Чернодольского восстания. В ряде случаев автору не удалось глубоко раскрыть исторические события, дать им правильные объяснения. Так, в записках недостаточно полно показана подготовка восстания и причины его поражения. Но автор и не претендовал на исторические исследования, он стремился лишь рассказать о некоторых волнующих событиях 1918 года на Алтае, о борьбе народа под руководством Коммунистической партии за установление Советской власти, о героях этой борьбы.

И в этом отношении воспоминания Д. О. Горностаева представляют значительный интерес.

В СЛАВГОРОДСКОЙ КАТАЛАЖКЕ

Август сделал рыхлой Кулундинскую степь. Под жарким солнцем зеленой осталась только осока у камышей в редких болотцах и пресноводных озерах. Кое-где по сторонам сереют солончаки. На горизонте, осколком гигантского зеркала, блестит и искрится Большое Яровое озеро.

Тихо кругом. Только желтое облачко надвигается с запада и напоминает о том, что тишина в Кулунде — это вестник бурь и циклонов. Облако растет и ширится, превращаясь в темную тучу. Стороною уже побежали и закружились столбы пыли. Как

живые подпрыгивают и кружатся по степи комки колючей, сухой травы «перекати-поле». Пахнуло одуряющим пыльным запахом...

• На затерявшийся в степи Славгород налетел пыльный буран... Взметнул на базарной площади густые облака пыли, сорвал с ларька старую вывеску починочной сапожной мастерской, повалил два погнивших телефонных столба и завыл, застонал в проводах старой электрической линии.

Яркое солнце на безоблачном три минуты назад небе, исчезло за тумной песчаной завесой.

Еще мрачнее стало в «дитинском доме», превращенном белыми в каталажку. Особенно темно на нарах нижнего яруса за печкой...

— Гриша, пока буран дует и такая темень, дай-ка еще раз взглянуть записку Ивина, — обратился полушепотом к соседу по нарам коренастый, с угловатыми чертами лица и голубыми вдумчивыми глазами арестованный.

Отросшая светло-русая борода и отпущеные большие каштановые волосы на голове, стриженные «в подсечку», делали Ермоля Андреевича Кононова похожим на «кержацкого» начетчика, за которого он себя выдавал при аресте. Не всякий сумел бы в нем узнать члена штаба Славгородского красногвардейского отряда и председателя ЧК.

В Славгороде Кононов с головой ушел в партийную и советскую работу. Дела было непочатый край. На каждом шагу мешали эсеры и украинские «самостийники», мечтавшие в кулундинских степях создать петлюровские «вильны громады». Большую борьбу пришлось выдержать с этими отщепенцами, с этими «социалистами», продавшимися буржуазии. Они не сложили оружия и всюду, где могли, вставляли палки в колеса молодой Республике Советов.

В Славгороде в первые дни эсеры-кооператоры попробовали поднять голову, организовали кулацкое восстание, но получив увесистый пролетарский удар по затылку, притихли. Стали расползаться кто куда. Кто к атаману Анненкову «в добровольческую армию», кто в Атаманскую слободку (под Омском) к члену войскового правительства Формунатову, а кто и в Забайкалье, к Семенову и японцам...

Сибирь в марте—апреле 1918 года стала для контрреволюции «обетованной землей». Сюда из центра и со всех окраин потянулись недобитые силы, мечтавшие о реставрации. Под видом учителей, телефонистов, железнодорожных служащих, ученых, инженеров, техников слетались черные вороны и вили гнезда контрреволюции, плели паутину против молодой Рабоче-Крестьянской Республики Советов.

Но вот в мае 1918 года, как гром среди ясного неба, разразился чехословацкий мятеж. Вдоль всей Сибирской магистрали затрещали пулеметы и винтовки. Загрохотали орудия. Запылали

города и деревни. Подняла голову и присоединилась к чехословакам вся сибирская белогвардейщина...

Бои с чехами и Анненковым под Иссык-Кулем, под Марьяновкой, Омском, Каинском, Татаркой... Отрезанными от советских центров оказались города и села Южной Сибири, в том числе и Славгород.

Не устояли маленькие, еще слабо организованные и обученные красногвардейские отряды против численно превосходящих, прекрасно вооруженных офицерских соединений и регулярных войск чехословацкого корпуса. Дрогнули... Отступили...

Большевикам Славгорода пришлось уйти в подполье.¹

* * *

Случилось так, что Кононов отстал от Славгородского отряда красной гвардии под Камнем. В Татарке Кононов по доносу Вольхина был арестован. Вскоре его доставили в Славгородскую тюрьму. Здесь в мрачной, прокуренной камере он и встретился с товарищем по партийной работе Григорием Евминым. Узнали друг друга, но виду не подали. Прошло дня два-три, прежде чем они заново «познакомились».

— Взгляни, да осторожнее, — Евмин протянул Кононову замусленную бумажку, которую достал из рубца гимнастерки...

Каталажка была до отказа набита арестованными. Но с каждым днем их становилось все больше. Были здесь и подозреваемые в большевизме, были и уголовники, были и подсlandанные суда шпионы. Осторожным надо быть арестованному большевику, чтобы не выдать себя и чтобы не провалить подпольную организацию.

Взгляд Григория скользнул по камере. Около окна, обособысь, сидели хозяйственные мужички из деревни Товкуновой. Начальник гарнизона штабс-капитан Киржаев недавно посадил их за отказ сдать своих лошадей в добровольческую армию. Мужики, тяжело вздыхая, толковали о хорошем урожае и буранах-суховеях. В левом углу камеры резались в карты три «омских карманника», приехавших в Славгород, как они выражались, «на гастроли» «ворон ловить».

Шпион «Мишка» старался заговорить с тремя грузчиками, угодившими в каталажку за пьяный дебош. Он сокрушенно вздыхал и как бы сам у себя спрашивал: «И за что энто меня беляки посадили? Что ж такого, ежели я их порядкам не сочувствую?» Хитрость была шита белыми нитками. Шпиона все знали.

С нижнего яруса виднелась дверь с «волчком» — круглым застекленным отверстием, в которое время от времени оглядывал камеру стражник. Сбоку, на выбеленной когда-то стене, видне-

¹ См. примечание 1.

лись коричневые пятна и темно-грязные полосы — следы крови и нагаек...

Григорий Евмин помнит, как втолкнули в камеру в кровь исхлестанных шомполами его товарищей.

Это было вслед за чехословацким переворотом, когда в Славгороде зверствовал полковник Кабаков, ставший вскоре адъютантом Колчака. Их избивали не только по дороге в Славгород, но били и здесь, в каталажке. Офицеры — сыновья местных за-правил-купцов Дитина, Ховрина, Фрея, попа Романова, члена земской управы Трубецкого — приходили в камеру «развлекаться» после выпивки.

Он помнит, как радовались эти выродки тому, что им удалось арестовать некоторых активных советских и партийных работников: заместителя председателя Славгородского Совдепа Николая Горностаева, Черепанова, Панасюка и ряд других.

Больно было смотреть, когда их избитых, в наручниках, отправляли в Каинскую каторжную тюрьму на расправу. Били их прикладами и плетями даже на глазах у обезумевших от горя жен и детей. Стон и плач стоял вокруг «дитинского дома» — каталажки...

Прочитав записку, Кононов, не поворачиваясь лицом к Евмину, сказал тихо, почти шепотом:

— Дела наши, Гриша, не так уж плохи. — Ребята действуют, оправились от первого удара.

Ермолай замолчал, выждал, пока Мишка-шпион пройдет мимо нар, и продолжал:

— Шкиль, значит, уже здесь, в Андреевку прибыл Фесенко, в Черном Доле — Дещенко, в Картояке собираются красногвардейцы второго отряда.

Сумерки сгущались. Ветер утих. Традиционное «на поверхку становись!» прервало разговоры Евмина с Кононовым,

СОБРАНИЕ У «ДАНИЛЫЧА»

Иван Данилович Фесенко, крепкий шестидесятилетний старик, сидел на пороге своей саманной хаты и подшивал продырявленный пим. Время от времени он тревожно поглядывал на тропинку, ведущую прямо с Гольбштадского тракта к его огороду: не возвратится ли сейчас сын из города.

«Что за непоседа этот Павел, — думает старик. — Нет ему уgomону... Чем не работник, чем не хозяин и в годах, и серьезный, а вот поди ты... Хату начал строить — бросил. Не время, говорит, батя! Все с книжками, все с товарищами... Поживет недели две и пропадет на месяц, два... Ни слуху, ни духу... Соседи андреевские хулиганом звать стали.

Вспомнился старику Павлуша еще совсем маленьким хлопчиком там, у себя на родине в Мариупольском уезде... Не пройдет, бывало, дня, чтобы Павлушка «не нашкодил». То в бахчу к деду

«Охраму заберется с ребятами, то привяжет веревочку к хвосту кста тетки Оксаны...»

Много шкодил Павлушка, но добрый и умный сын. Крепко любит и жалеет его Данилыч. Вспомнил дед девятьсот пятый год, Юзовскую шахту на Донбассе, где еще парубком работал его Павлуша. Вспомнил обыски полиции, вспомнил Павлушкиных товарищей — рабочих, которые приходили, совещались, читали книжки, спорили, горячились... Вспомнил, как пришлось свести к уряднику бычка, чтобы вызволить Павлушку из-под ареста... Женил, думал степенней будет. Нет, поди ж ты Павел все такой же неугомонный. Бросил на Украине жену, приехал сюда к нему в Славгородский уезд, в Андреевку... — «Уряднику, говорит, нос отрубил его же шашкой и скрылся к тебе. Потом мобилизовали на германскую войну. А вернулся и вскоре опять пропал куда-то. При белых опять заявился... Приехал, говорит, батя, белых лупить... Надо помогать Красной Армии! И пошел путить в Черном Доле, в Славгороде, с старыми юзовскими земляками: с Теребиллой, Буряком, Петром Дещенко и Маслаком. Собираются, ругают белую власть. Что они замышляют?..»

Из переулка на улицы выскоцила и загромыхала первая бричка. Мысли Данилыча были прерваны... С сыном приехали Буряк и какие-то три незнакомых человека.

Старик пошел встречать гостей.

* * *

— Вот что, товарищи! — начал разговор, сидя за столом, приехавший с Павлом человек. — Недовольство среди населения белогвардейскими порядками растет. Казачьи атаманы Анненков, Красильников, Катаев, а с ними вся военщина восстанавливают старые порядки.

Он рассказал о том, что восьмичасовой день почти по всем железнодорожным мастерским, заводам и предприятиям заменен 10-часовым. Экономическое угнетение рабочих сопровождается кровавыми расправами. Казацкий отряд полковника Семенова, ворвавшись на днях в Читинские мастерские, выпорол в присутствии начальника милиции 65 рабочих. На Омской железной дороге рабочие готовятся к забастовке. Растет недовольство и среди крестьянского населения. Крестьянство прежде всего недовольно объявлением мобилизации молодежи девяносто восьмого и девяносто девятого года рождения, непосильными поставками на армию лошадей, скота и продуктов...»

Не прислушиваясь к разговору, жена Данилыча собирала на стол. Появился самовар, теплые шанежки, стаканы, кринка с молоком и блюдце с мелко колотым сахаром.

Сам Данилыч усился в темном углу около печи и, посасывая трубку, разглядывал приезжих.

— Пейте чай, товарищ Ивин! — обратился Павел к говорив-

шему. — Давайте, ребята, без церемоний присаживайтесь! Проголодались ведь! Буряк, бери стакан! Будь как дома! Садись вот сюда, товарищ Шкиль! А ты сюда вот, товарищ Евмин, или как тебя по новому паспорту? Ершов, что ли?

— А ловко все-таки мы тебя вызволили из каталажки, Гриша! — вмешался в разговор Буряк. — Не сразу удалось нам устроить своего человека в тюремную охрану. А иначе ничего бы не вышло.

— А я, признаться, не ожидал, что так скоро удастся, — тихо сказал Евмин, присаживаясь к столу. — Жаль, Ермолаю не удалось...

— Всю каталажку сразу выпустим. Не долго теперь посидят, — ответил Павел, наливая Ивину чаю.

Данилыч, который молча прислушивался к разговору, спросил неожиданно:

— Скажите мне, мил-люди, как же это получилось, что власть опять у генералов? Ошибка, видно, у большевиков получилась? И нельзя ли эту промашку исправить.

Данилыч хитро подмигнул Буряку. Все замолчали, оглянулись на темный угол в сторону Данилыча.

По рассказам Ивин знал, что отец Павла — Данилыч — был в свое время шахтером в Донбассе, потом работал кузнецом на металлургическом заводе, не ладил с начальством и был на плохом счету у полиции. В начале девяностых годов он переселился в Сибирь, в Кулундинскую степь, построил себе хату и кузницу, надеясь на старость зажить поспокойней.

Помолчав с минуту, Ивин заговорил:

— Вот за этим, папаша, мы и собирались здесь. Обсудим, как организоваться, как ударить по генералам, капиталистам, фабрикантам и купцам, чтобы от них больше и духу не осталось... Исправим, Иван Данилыч, допущенную, как вы говорите, ошибку...

Данилыч, по-видимому, удовлетворенный ответом Ивина, молча стал разглаживать седые усы.

— Вас, папаша, мы попросим посмотреть, чтобы никто нам не помешал обсудить это дело, — продолжал Ивин.

Старик молча взглянул на него, понимающие кивнул головой, пустил клуб табачного дыма и, не говоря ни слова, вышел на улицу.

— Мой батька — человек привычный к конспирации, — усмехнулся Павел. — Пойдет и будет так сторожить, что ни одна ворона не пролетит.

Ивин продолжал вполголоса:

— Мы, большевики, должны немедленно использовать нарастающее недовольство крестьянства. Надо развернуть агитацию в массах против мобилизации, против поставок в армию. Надо решительно разоблачать эсеров, которые уже провалились с своим западносибирским комиссариатом. Власть 30 июня пере-

шла к временному сибирскому правительству. Это правительство и комитет членов учредительного собрания в Самаре, безусловно, полетят вверх тормашками. Буржуазия готовит монархический переворот. Мы должны рассказывать это массам, разоблачать эсеров, меньшевиков. Наша тактика состоит сейчас в накоплении сил, агитации среди рабочих и крестьянских масс, организации забастовок, выступлений деревни и города против мобилизации молодежи в армию, организации партизанских отрядов. В ближайшие месяцы должна быть по всей Сибири развернута партизанская война с белогвардейцами, она поможет Красной Армии, она отвлечет от фронта много белогвардейских сил.

Передохнув, Ивин продолжал:

— Я был недавно в Омске. Получил от областного партийного комитета директивы. — Сейчас нужно организационно укрепить наш ослабленный уездный партийный центр.

Шкиль кивнул головой — все правильно. Давно пора приниматься за дело.

— Организацию крестьянских выступлений против мобилизации здесь, в Славгороде и уезде, мы, товарищ Ивин, уже почти обмозговали, — сообщил Фесенко. — В тот день, когда будет назначена явка мобилизованных в Славгород, мы по всем трактам расставим своих надежных людей и не пропустим призывающих в город. Создадим из них отряды, вооружим, чем сможем, и застанем золотопогонников «врасплох». Полагаю, разгромим на голову.

— Устроим варфоломеевскую ночь славгородской буржуазии! — прервал Фесенко высоким фальцетом Шкиль.

— Брось ерундить, Шкиль! — недовольно вскинул на него глазами Павел. — У тебя всегда крайности. — И, нервно одернув гимнастерку, он продолжал:

— В первую очередь мы должны захватить в свои руки оружие и боеприпасы, освободить из тюрьмы товарищей, взять в свои руки почту, телеграф, телефонную станцию, банк и линию железной дороги с транспортными средствами. По железной дороге нужно быстро двинуться с отрядами на Купино и Татарку. Нас должны поддержать забастовкой железнодорожники в Омске, Татарке и Ново-Николаевске. Нужна крепкая связь между партийными организациями Западной Сибири и Алтая. Если же нас постигнет неудача, мы рассеемся мелкими партизанскими отрядами и будем бить беляков из-за каждого угла и дерева. Вот наш план, товарищ Ивин!

Фесенко сел и, не торопясь, стал сворачивать «козью ножку».

— План у тебя, Павел Иванович, хороший, смелый, — одобрил Ивин. — Надо только продумать его в деталях. Вот хотя бы в отношении вооружения отрядов перед выступлением. Никакой осечки не должно быть. Кстати, его надо приурочить к забастовке омских железнодорожников. Я передам Омскому комитету о вашем плане. Необходима немедленная, быстрая связь с сосед-

ними уездами, чтобы ваше выступление было всюду поддержано. Надеюсь, что дело у вас пойдет... А ты, Шкиль, не ерунди... Если ты где-нибудь брехнешь вот так, не подумавши, то отпугнешь многих поддерживающих беспартийных. Расскажи лучше, как у тебя обстоит со связью с нашими товарищами?

— Насчет «варфоломеевской» я, конечно, так, для словца ляпнул, товарищ Ивин. Больше не услышите, — отозвался из угла Шкиль. — А в отношении связи скажу. Был я в Волчихе у Алексеева, был в Кабаньем у беспартийного товарища Мамонтова, был в Ключах, связывался с каменскими товарищами. Везде чешут затылок наши сибиряки от порядков «омского» правительства да атаманских нагаек. Не хотят пускать сыновей на призыв. Ждут нашего сигнала и переворота.

— Что нового в Черном Доле, товарищ Буряк? — продолжал спрашивать Ивин.

Буряк погладил стриженную «под ерша» голову, одернул по-тертый военный мундир, откашлялся...

— В Черном Доле много кулаков, но еще больше друзей Советской власти. Чернодольцы, товарищ Ивин, на три четверти — старые донецкие шахтеры. У нас все готово к выступлению. Хорошие вести я получил и из Черной Кури от товарища Дощенко. Он там успешно организует массы. Идут дела и у Маслака из Павловки.

До утра затянулось совещание в доме старого Данилыча. Надо было обо всем условиться, верно рассчитать силы.¹

БОЛЬШЕВИКИ ОРГАНИЗУЮТ МАССЫ

Мясник Киржаев уже в какой раз подходил к облюбованным коням — Вороному и Карему, раскрывал им зубы, дул в ноздри, щупал копыта и трепал по холкам. Наконец, сделка состоялась, и работник Никита запряг лошадей. Киржаев был доволен. Что ни говори, а ловко он своего «козоногого чалку» променял. Всего за пятьсот «керенок» прикупил для сына-офицера чистокровного степняка вороного. Больше делать в Карасуке нечего, можно возвращаться домой, в Славгород.

«Сила мы теперь, — думал Киржаев, покачиваясь в бричке: — сын — комендант города. Он-то угомонит большевиков! Заживем не хуже прежнего...»

Киржаев поудобнее устроился, отвалившись на мягкую спинку сидения. Степь унылая, одообразная. Смотреть на нее не хочется. Вот уж сколько километров отъехали, а все как будто на одном месте. Глаза сами собой слипаются, и спина Никиты на переднем сиденьи начинает двоиться, вырастать в огромную гору...

Сильный толчок в бок заставил Киржаева очнуться...

— А ну, друг, вставай! Приехали!

¹ См. примечание 2.

Киржаев поднял отяжелевшие веки.

В упор на него смотрели черные, как уголь, глаза, поблескивавшие недобрными огоньками.

В руках у незнакомца в защитной гимнастерке и надвинутой на лоб фуражке поблескивал вороненой сталью наган. Кругом стояло человек тридцать вооруженных винтовками и дробовиками парней и мужиков.

— А помирать-то неохота, господин Киржаев?! Струсили?! — усмехнулся черноглазый.

— Слазь, друг, некогда нам с тобой разговоры разговаривать! Не тебя, а лошадей твоих нам сейчас надо.

— Возьми, товарищ Маслак, этого господина, да передай в надежные руки, — скомандовал черноглазый.

— Есть, товарищ Дещенко!..

Бричка с Дещенко и тремя вооруженными винтовками людьми развернулась и загромыхала по дороге.

Никиту не тронули. Он пешком направился по Славгородскому тракту.

* * *

— Так что, ваше благородье, купили мы с вашим папашей хороших лошадей: для вас вороного, как вы и заказывали, Ка-рего папаша ваш для себя облюбовал. Хорошие лошади... А вот поди ты, какая нездача, отобрали их в гришевском околке... — докладывал Никита штабс-капитану Киржаеву.

Сам штабс-капитан, широко расставив ноги, заложив за спину руки, стоял против Никиты. Он молча рассматривал его злы-ми, немигающими зрачками.

— Так, говоришь, отца в залог взяли эти сволочи?! — и штабс-капитан рванул френч, потом, быстро засучив рукава, поднял кулак и, погрозив кому-то, зашагал по комнате, нервно кусая ногти. Он был пьян.

Старик Никита тёребил в руках рваную теплую шапку...

Киржаев подошел к шкафу, достал бутыль с «первачом» — самогоном, залпом выпил целый стакан и, скосив глаза на Никиту, медленно двинулся в его сторону.

— А ты, старый кобель, почему позволил бандитам захватить отца!.. Прохвост ты этакий!.. Почему не растолковал этой сволочи, что это отец коменданта города?! Ты, гад, видно, с ними за одно? Предатели!.. — скрипя зубами, Киржаев вплотную придвигнулся к батраку, схватил его за ворот старой свитки, затряс. Свитка рвалась, трещала и повисла на плечах Никиты серыми грязными ключьями.

— Говори, сучий сын, куда девал отца и лошадей?! Зарублю, сволочь!..

Киржаев с размаху ударил старика по лицу кулаком, пнул и снова заметался по комнате.

Кубарем вылетел Никита из кабинета молодого хозяина и чуть не сбил с ног направлявшихся к Киржаеву офицеров.

— Что случилось, господин штабс-капитан? Чего это вы так расходились?! — фамильярно, но для вида почтительно вытягиваясь, спросил контрразведчик — поручик Полянский. А мы к вам с неприятными новостями!..

Компания с шумом расселась на диване, на креслах и на стульях, а Полянский сел у стола против разъяренного штабс-капитана и, не обращая на него внимания, начал быстро докладывать, как бы упрекая своего начальника в бездеятельности.

— Большевики окончательно обнаглели, господин штабс-капитан! Надо принимать меры! Наше уездное общество просвещения и нравственного воспитания, долженствующее заниматься антибольшевистской пропагандой, ничего не делает... Спит, прежде всего, председатель. Большевики же работают у наших «просветителей» под самым носом. Мои агентурные сведения очень неутешительны!

— К чёрту общества! — прервал Полянского Киржаев. — Большевики действуют. Уже создают вооруженные отряды. Понимаете, господа офицеры, сегодня какая-то вооруженная банда захватила моего отца и отобрала моих собственных лошадей! Это уже чёрт знает что!

Все встрепенулись и насторожились, а Киржаев зашагал по комнате, выбрасывая на ходу:

— Мы много миндальничаем, играем в демократию. С эсерами и всякими другими демократами нам не по пути... Нужна крепкая власть. Вот что я решил, господа. — Он снова встал, одернул френч и продолжал: — Сегодня к вечеру для начала едем в Черный Дол... Надо приказать сбить сход.. Это самая пакостная деревня, от нее весь сыр-бор горит... Там все эти... бывшие донецкие шахтеры. Там много неблагонадежных. Надо разыскать Фесенко — из Андреевки и этого мерзавца Дещенко. Где-то здесь по уезду действует Ивин. Кстати, поручик Полянский, вы и ваши агенты, к стыду своему, все еще не можете его обнаружить и обезвредить.

Полянский смущился. Как ветром смахнуло его заносчивый вид.

— Из-под самого носа у вас, господин Полянский, — продолжал Киржаев, — сбежал из каталажки Евмин! Довольно с меня, хватит. Приказываю немедлено, завтра же, выслать в Славгород призывников! Если будут какие-либо протесты — пороть! — Киржаев взмахнул рукой, как бы показывая, как это надо делать. — Сажать в каталажку!.. Не останавливаться даже перед крайними мерами...

— Прaporщик Шевченко, соберите человек двадцать пять конных нижних чинов и всех офицеров гарнизона, свободных от нарядов. Распорядитесь также приготовить часа через два мою

машину. Двинемся в Черный Дол, двинемся на розыски моего отца и лошадей, а там по другим селам и поселкам уезда!..

Прапорщик Шевченко встал, вытянулся, щелкнул каблуками и пошел исполнять приказание начальника.

— Завтра же вышли отряды в Волчиху! — заговорил оправившийся от смущения Полянский, — вышло также в районы Солоновки, Кабаньего, Малышева Лога; там по агентурным сводкам действует большевик Ивин. Придется выслать отряд в Бурлу и Гусиную Лягу... Безде большевики, — оправдываясь, пробубнил он себе под нос.

Киржаев уже вполне овладел собою и, сидя в кресле, безразлично глядел на Полянского. Офицеры курили. Прапорщик Поступов рассказывал поручику Романову о вчерашнем кутеже в летнем саду, а прапорщик Добровольский от нечего делать подбирал на пианино какую-то мелодию.

В голове Киржаева складывался план: «Что ж, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Расправлюсь с Черным Долом и другими селами, донесу о подавлении бунта военному Министру Иванову-Ринову, получу полковничьи погоны и теплое место при штабе командующего Сибирской Армией. В Черном Доле надо побольше наделать шума».

Он встал и почти веселым, успокоенным голосом предложил:

— Ну, что ж, господа, на дорожку перед таким делом надо подкрепиться! Прошу со мной в столовую, откусить чего бог послал!

* * *

В Черном Доле, в хате у Романа Буряка, собирались Павел Фесенко, Степан Бибик, Егор Теребилло, Роман Буряк, Дмитрий Скрипка и Мирон Морозов. Разговаривают вполголоса и усердно дымят «козыми ножками».

— ...Вот я и говорю, нельзя нам больше ждать, — Фесенко обвел взглядом собравшихся. — Нам царя на холку садят, а мы сидим, как куры на нашесте, дожидаемся, пока хозяин нам головы отрубит. Петля уже затянулась на шее, дышать нечем; забирают для армии скот, лошадей замучили в подводах, а теперь требуют, чтобы и солдат давали для борьбы с Советской властью. Командовать, вишь, им некем!

— А что ж нам-то делать? — спросил Степан Бибик Павла. Видать, плетью обуха не перешибешь...

— Что, говоришь, делать? — переспросил Фесенко. А вот что: не давать в армию белогвардейцам ни одного солдата, не выполнять приказов о поставках и самим покрепче подготовиться. Надо организовать взводы, роты, полки, отряды, надо получше вооружиться. По сигналу партии двинемся на Славгород. Надо накрыть офицеров врасплох, обезоружить их. Захватить в свои руки город, организовать Советскую власть и двинуться сразу

же дальше на Омск, Ново-Николаевск, Барнаул. Вот что надо сейчас делать! Понятно?

— Один конец: либо — пан, либо — пропал, — не утерпел и добавил Скрипка, одобрительно кивавший головой во время этой речи Фесенко.

Все молчали. Замолчал и Фесенко.

Молчание прервал Теребилло.

— Согласны мы с тобой, Павел Иванович, и я не отрекаюсь от такого дела. Сам пойду и буду драться там, где надо, пока сил моих хватит. Считаю, однако, что сейчас мы еще не готовы. Перебьют они нас, потому что у беляков оружие, они организованнее нас и грамотнее в военном отношении. Надо установить хорошую связь с другими городами и уездами. Поспешишь, говорят, людей насмешишь...

Когда говорил Теребилло, в хату вошли Василий Кравченко, бывший командир второго Славгородского красногвардейского отряда, и Маслак.

— Привет всем, товарищи! — сказал, садясь, Маслак. — Привет не только от нас, но и от Дещенко и всего отряда. Дещенко на киржаевских лошадях поехал организовывать новые отряды из призывников и сочувствующих нам товарищей.

— Вот это правильно! — опять вставил Скрипка.

— Видишь, Теребилло, — указывая рукой в сторону Маслака, сказал Фесенко. — Ребята не ждут, действуют решительно. Надо и нам не отставать. За организацию отрядов братьсяя надо немедленно. Упустишь поринку — останешься без малинки!

В это время в окно застучал «батажком» дед Руденко:

— На сход, мужики, собирайтесь! Староста Градов велел. Сам комендант Славгорода будет на сходе!

КИРЖАЕВ С БАНДОЙ «НАВОДИТ ПОРЯДКИ»

Когда Степан Бибик, Теребилло и Буряк подошли к церковной площади, там уже было полно чернодольцев.

Молчаливая Настасья Константиновна, жена Буряка, бросила собирать огурцы, перепрыгнула через замет на площадь послушать городское начальство. Ребятишки, как воробы, расселись на плетне «Посмотрим, что будет. Говорят, на автомобиле из города приехал кто-то».

Поп Василий Лисицкий в обществе двух старух, церковного старосты Зуя, торговца Бруслинца и «ковалья» Крупятника шептался с деревенским старостой Градовым. Тот время от времени поглядывал то в сторону видневшейся поодаль хаты Буряка, то в сторону стоявшего у церковной ограды Мирона Морозова.

— Отец Василий, — обратился к попу Лисицкому подошедший Мытров Скрипка, — правда, говорят, старые порядки возвращаются?..

— Не нашего ума дело, Дмитрий. Все божьи дела... Без его

всевышней воли ни один волос с головы не упадет, — пробовал поучать поп.

Но Скрипка хотел другого. «Как бы это «завернуть» ему такой вопрос, — думал Дмитрий, — чтобы поп не нашелся, что сказать».

— Дела-то, батюшка, может быть, и божьи, только не пойму я, как же это нас, божьих детей, стражники и офицеры плетью-ганами порют, морду бьют. Неужто это по божьей воле и об этом в божьем законе писано?

Скрипка прищурил глаз и, ожидая ответа, уставился на попа.

Поп смешался, недовольно крякнул и, не говоря ни слова, направился к своему домику. За ним, крестясь и вздыхая, поковыляли старухи... Градов, Бруслинец и кузнец Крупятник отошли в сторону.

— Ишь ты, какой сурьезный стал наш поп Василий. Говорить не хочет... Будто я ему ногу перешел... — сказал Дмитрий подошедшем Венедикту Ященко и Алексею Бойко. Те раскатисто рассмеялись.

* * *

В это время на площадь, в расступившуюся толпу врезался старый «Бенц». Рядом с шофером сидел штабс-капитан Киржаев... На заднем сиденьи, играя наганом, сидели поручик Ховрин и совсем пьяный прaporщик Романов. Сразу же вслед за автомобилем прискакали контрразведчики: поручик Полянский, поручик Романов-старший, походные прaporщики: Поспелов, Шевченко, Добровольский, взвод кавалеристов — бывших царских стражников из Павлодара.

Минуты две Киржаев сидел в машине, уставившись пьяными, бесцветными глазами в стоявшего у радиатора старосту Градова. Видимо, штабс-капитан напрягал память, чтобы вспомнить, кто это. Наконец, Киржаев сумел опереться левой рукой о спинку сиденья и, неестественно выгнувшись всем корпусом вперед, поднялся.

Толпа молчала. Из той кучки, где находился Теребилло и Бурак, послышался голос:

— Ну и нализался его благородие...

— Ш-ш-ап-к-и долой, сво-ло-ч-и-и! — зарычал Киржаев. — Забыли, косорылые, как надо исполнять законы правительства?! Бунтуете, гады?!

Глаза коменданта налились кровью. Он силился расстегнуть кобуру нагана. Ховрин услужливо помог ему.

— П-а-ачему никто не является по мобилизации?! Ра-а-с-стреляю всех сукиных сынов! — закричал Киржаев, потрясая наганом.

Ребятишки повскакивали с плетня и кинулись бежать по своим хатам. В передних рядах мужики мали в руках шапки. Толпа заволновалась, загудела.

— Как же так, — послышался голос, — говорили добровольческая армия, а объявили мобилизацию... Пущай добровольно записываются в армию те, кто желает, а нам несподручно, нам молодежь для работы нужна. Мы повоевали. Хватит.

Киржаев, покачиваясь, слушал.

— Почему молодежь призывае, а не фронтовиков? Слабит, видно, ваше благородие, боитесь старым окопникам оружие в руки дать?! — крикнул другой голос.

Шныряя по толпе глазами, контрразведчик Полянский старался заметить крикунов. Киржаев багровел, глаза все больше наливались кровью. Рассвирепев окончательно, он заорал:

— Р-р-расходись, сво-о-ложи!

* * *

— Староста, где твои большевики? — кричал, приставляя дуло нагана ко лбу Градова, поручик Ховрин. — Давай их сюда!

Трусливый Градов попятился назад, хотел было пробраться через толпу незаметно и скрыться. Заметив его маневр, поручик Полянский подъехал сзади, сгреб старосту за ворот рубахи и, подстегивая нагайкой, вновь подтащил к машине.

От церкви прапорщики Поспелов и Шевченко волокли отчаянно вырывавшегося Мирона Морозова. Он первым значился в списке попа Лисицкого.

— Вот большевик, служил у красных в милиции, — кричал Шевченко, — попался, совдепская скотина!

Толпа заметно редела, металась по площади от разъезжавших верхами пьяных офицеров.

Киржаев вонзился взглядом в Морозова. Усмехнулся, увидев, как полоснул его нагайкой прапорщик Шевченко. Морозов из последних сил рванулся, сбил с ног пьяного прапорщика и бросился бежать. Вот он перепрыгнул церковную ограду, перебежал площадку, перепрыгнул вторую, сделал несколько шагов... Хлопнул выстрел, и Морозов как-то нелепо, вмахнув руками, упал... Площадь опустела.

* * *

Долго свирепствовала пьяная ватага офицеров и бывших царских стражников в этот день в Черном Доле. Под предводительством церковного старосты Зуя, торговца Бруслинца и кузнеца Крупятника она ворвалась в хаты Теребилло, Буряка. Искали хозяев, искали Фесенко. Найти не могли.

Поп Лисицкий посоветовал «посмотреть» в хате Петра Дещенко. Полянский сам перерыл все бараки в доме, выпустил даже пух из перин, но ничего не нашел. Рассвирепев, приказал выпороть насмерть перепуганную жену Дещенко и арестовать человек двадцать, кто подвернется.

К вечеру каратели уехали в Славгород, угнав с собой «задников».

ВОССТАНИЕ

Весть о зверской расправе с чернодольцами мгновенно облетела все села и заимки Славгородского уезда.

30-го августа на заседании Славгородского уездного комитета партии, перебравшегося в Черный Дол, было решено: 31-го августа, в день сбора мобилизованных, по всем трактам, ведущим в Славгород, выставить из своих людей заставы, перехватить всех призывающих, не пускать их в город, если удастся сагитировать на борьбу с офицерством.

Намечено было выслать связных в Камень, Татарку, Омск, Ново-Николаевск.¹

* * *

Как пчелиный улей гудела битком набитая хата Буряка.

— Да, братцы мои, — рассказывал Антон Бибик. — Прибыл я второго июня из плена в Саратов. Вступил в Красную Армию. С боем прошли мы до Симбирска, повернули на Бугульму. Дальше мне не удалось: заболел, отстал от полка, а потом и пробиться к нему не мог. Чудом, прям-таки чудом, прорвался в Сибирь.

Разместившись на скамьях, а то и на полу Антона внимательно слушали чернодольские, павловские, андреевские, котлованские бывалые мужики и остановленные у Черного Дола призывающие. Многие были с винтовками и обрезами. Мыстро Скрипка прислонился к косяку. За поясом у него был топор.

— Ох, и сила же поднялась против белых! И старые, и молодые, — рассказывал Бибик. Крепнет Красная Армия и здорово чешет золотопогонникам бока. Я вот тут газеты привез. Почитайте, кто силен в грамоте. Из-за обшлага шинели Антон достал несколько зачитанных до дыр советских газет.

— Начинай, что ли, Павел Иванович! — обращаясь к Фесенко, сказал протиснувшийся в хату Маслак. — Народу видимо-невидимо собралось на площади и на улицах. Мы по твоему указанию, всех мобилизованных задерживаем, не пропускаем в Славгород. Ждет народ решения схода... В это время в сенях послышался шум. Дещенко втолкнул в хату кузнеца Крупятника. Запнувшись о порог, тот растянулся у самого стола.

— Не кланяйся! Вставай! Мы не привыкли к поклонам, — сказал Фесенко, усмехнувшись.

— Эк его поп Василий нарэпэтыровав! Шибко гарно кланяется! Нэ жалэя лба! Должно, у кузни наварил, щоб нэ щэпався!

Дружный хохот всей хаты покрыл эту остроту Скрипки.

— Так что доставил Крупятника по вашему приказанию, Па-

¹ См. прим. 3

вел Иванович! — прикладывая к козырьку фуражки руку, отрапортовал Дешенко. — Поповскую эстафетку вам здесь доставили?

— У меня она, — ответил Фесенко и вынул из полевой сумки вчетверо сложенный лист бумаги, исписанный мелким почерком.

— Так что ж ты, гад, хотел вместе с попом предать нас?! — колол Крупятника своим взглядом Фесенко. Кузнец молчал, потупя глаза в землю.

— Не выгорело ваше с попом дело, провалились! Вот что, Петро Петрович, посади его, да и попа заодно, в поповский погреб. Поставить надежную охрану! Потом народный суд над ними устроим. Смотрите хорошенъко, за долгогривым особенно!

— Правильно! Пусть наберутся пока страху, — поддержали приказ Фесенко несколько голосов. — Судить будем, это точно. •Попил, батюшка, крови, хватит.

К столу Фесенко протолкался Емельян Шкиль. Доложил, что славгородская офицерня собирается устроить сегодня праздник по случаю того, что эсерка Каплан ранила товарища Ленина.

Запыхавшийся Шкиль говорил взволнованно:

— Узнали, гады, по радио... Выпустили экстренное сообщение и расклеили по городу. Орут всюду, будто конец Советской власти пришел.

— Перепьется офицерня обязательно, — вмешался в разговор Скрипка. — Вот бы и накрыть всех с похмелья.

— Похмелим! Не очухаются, — отзывалось несколько голосов.

Фесенко молчал. Он прислушивался к разговорам. Он чувствовал, что этой, пока неорганизованной толпе, надо дать некоторое время накипеть, а когда желание действовать начнет перехлестывать через край — нужно указать выход, поднять и повести за собой...

Возбуждение росло, прибывали все новые люди... Несколько голосов уже кричало, чтобы «начинали» сход.

Фесенко медленно встал, поднял вверх правую руку... Наступила тишина.

— Сегодня большевики решили от слов перейти к делу. Решили выступить с оружием в руках против славгородской золотопolygonной офицерни, — начал он твердым голосом, оглядывая всех сверлящим взглядом. — Вы видите, что на этот сход мы, большевики, и все, кто нам сочувствует, пришли готовыми к выступлению, плохо, но вооруженными. — Как вы решите о выступлении против белогвардейских властей, так и будет... Поддержите вы или нет? Решайте быстрей, время сейчас дорого... Если хотите николаевских порядков, хотите плетей, шомполов, урядников, жандармов, тогда везите своих сыновей на мобилизацию в Славгород. Если не хотите — тогда вместе пойдем в бой за свою рабоче-крестьянскую власть Советов!

Фесенко опустился на скамью, рядом с Буряком и Евминым, предоставляя сходу самому решить это важное дело.

— Правильно рассудил Фесенко! — сказал дед Сабко, из Котлованки везший своих внуков, Сергея и Романа, по мобилизации, в Славгород.

— Помогать, мужики, большевикам надо! Об нас радеют! — протиснулся через толпу дед Руденко.

— Шабаш! Двинем, мужики, на офицеров, купцов и буржуев! Не дадим наших сынов против Советской власти! — дружно закричали с задних скамей.

Расходившийся дед Руденко со всего размаху бросил об землю свою старую шапку: чего зря языки чесать. Решили и конец!..

— Подавай команду, Фесенко! Кончай собрание, — закричал Мытров Скрипка. — Вечерять пора!

— Цыц ты, лешак большегородий! Закрой хайлло! Видишь, Павел Иванович будет говорить! — оборвало Скрипку несколько голосов.

Фесенко снова поднялся.

— На этом порешили, что ли, мужики? Какие еще разговоры будут?

— Решено! Долой мироедов, руби собак сфицеров!.. Конец николаевским порядкам!.. Даешь Советскую власть! — закричали все сразу.

— Голосуем, кто за восстание против белых?! — крикнул стоявший рядом с Фесенко Буряк.

— Все пойдем, как один, против белых! Готовы! Согласны! — ответила многоголосая толпа.

* * *

...Фесенко остался один в хате Буряка. Ероша одной рукой стриженную голову, он продолжал чертить цветным карандашом на замусоленной карте план окружения Славгорода.

Командиры выстраивали на площади людей по отрядам. Скрипели в темноте брички. Ржали лошади. По всем направлениям в темноте мелькали фонари... Бегали и сутились люди. Перекликались и спорили. Слышалась военная команда. Где-то за углом женский голос уговаривал ревевшего спросонья ребенка...

Основательно «поснидавши», Мытров Скрипка запрягал в тачанку Киржаевскую пару лошадей. Отыскивая сгинувший кудата череседельник, он ругался с дедом Руденко, упрекал его в том, что это он «шарился» в бричке и беспременно заронил ремень, а бричку надо срочно, под пулемет.

— Да что ты, рыжий пес! Али сдурел и не видишь, что ремень на оглобле повязан! — огрызался дед.

Одуревшие от непривычного оживления и скопления чужого народа, собаки лаяли и подывали по-волчьи...

Подготовка к восстанию проводилась почти без всякой предосторожности, и будь славгородские офицеры в эту ночь хоть чуточку побдительнее, не миновать бы тогда беды.

А между тем, со стороны Котлованки, Кормовиц, Блудовки, Павловки, Гусиной Ляги, Хабарского тракта прибывали в Черный Дол все новые и новые «гарбы» с призывниками. На паре верблюдов приехал даже казах Абдурахман Кукумбаев из Узень-Агача.

— Моя перва Советска власть заштыщал, глаз патырял... Апять ваиват будым! — объявил он дозорным.

Из Николаевки прибыл санитарный отряд, организованный фельдшером Никольским. Санитарки Грыпына Гонопка, Ганна Коваленко, Марына Маслак и Прыска Собко наспех, при свете фонарей набивали свои санитарные сумки бинтами, ватой и мединикаментами.

Фельдшер Никольский делил перевязочный материал и закреплял санитарок за отрядами.

— Так не забыла, как надо бинтовать левое плечо при ранении, — шутил он с санитаркой Ганной Коваленко. — Смотри, так надо бинтовать, чтобы не мешала здоровому правому плечу во время боя. Не теряйся в бою! — давал он ей наставления.

— Будьте покойны, Павел Иванович, справлюсь! — отвечала она.

— А, сам начальник санчасти прибыл! Здравствуйте, — пошел к Никольскому Буряк.

— Здравствуйте, здравствуйте, Роман Григорьевич. Вот прибыл со всем отрядом в ваше распоряжение.

— Все ли в порядке, Павел Иванович?

— Да, как сказать... Не хватает разве только двух повозок под раненых. Надо бы их достать.

— Будут, сейчас распоряжусь. Только мы с товарищем Фесенко думаем без потерь захватить город!

...Дозоры продолжали охранять дороги к Славгороду. Всех проезжавших направляли в Черный Дол...

Больше пяти тысяч удалось собрать большевикам в ночь на 1 сентября 1918 года в Черном Доле, организовать и повести в бой против славгородской буржуазии и офицеров...

* * *

В ту же ночь обширный и вместительный дом славгородского купца-оптовика Ховрина сотрясался меднотрубым оркестром. В угаре вальса кружились пары... Вся «золотая молодежь», все сливки буржуазного общества захолустного Славгорода собрались здесь.

Учительницы — сестры Фрина и Полина Владимировы от-

крыто флиртовали с поручиком Полянским и прапорщиком Шевченко.

В столовой офицанты, взятые Ховриным «напрокат» из летнего сада, гремели посудой, сервируя стол на шестьдесят персон.

Рядом со столовой, в гостиной, идет картежная игра. Играют в «двадцать одно»... Банкует поп Николай Яновский.

— Стучу! — несется в раскрытую дверь его победный голос.

— Ва-банк! — рычит другой, уже изрядно проигравший поп Алексей Семенов. Он зорко следит за ловкими руками и широкими рукавами рясы Яновского...

В дверях появился сам хозяин дома, приглашая всех к столу...

...Гости следовали за тостами. Пили за «одержанные победы», пили за здоровье всех присутствующих офицеров, за здоровье «дорогого хлебосольного хозяина», за украинскую «вильну громаду» и гетмана Скоропадского. Выпили даже за террористов эсеровской партии.

Выпивший еще перед балом Полянский вовсе потерял контроль над собой и жадно обнимал за столом Полину. Ее сестра Фрина припала плечом к прапорщику Добровольскому, а забывший о проигрыше поп Николай Яновский норовил рассказать своей соседке, хозяйке местного «гранд-ресторана», какой-то сальный анекдот. Та игриво отмахивалась и безудержно смеялась.

Комендант Киржаев пил только «смирновскую», и теперь его «отхаживали» в соседней комнате. Повар держал у самого носа Киржаева раскаленную сковороду, а поручик Ховрин лил на нее нашатырный спирт...

* * *

Алел восток... Багряные полосы полыхали на краю неба, ширелись, росли, беспрестанно меняя тона. Уже можно было рассмотреть силуэты бричек с вооруженными чем попало людьми — чернодольскими повстанцами. Это третий отряд вышел на окраины Славгорода с восточной стороны.

Мимо остановившихся на окраине бричек ехали на базар гарбы, груженные кавунами, свежими и солеными огурцами, капустой, мукой, мясом и прочей деревенской снедью. Их, по распоряжению Фесенко, сейчас беспрепятственно пропускали, смотрели только, чтобы вместе с ними не проскользнул в город кто-нибудь из чернодольцев с доносом о восстании. Пытавшийся выехать мелкий торговец и спекулянт старик Орешин был остановлен, обыскан и взят под конвой. Его заперли в доме Шкиля.

Сам Шкиль допытывался у него, куда и зачем он собирался ехать так рано из Славгорода. Он хотел узнать, знает ли что-либо буржуазия о подготовленном восстании.

— Да вот те крест, Емельян, — говорил, прямо глядя на него, Орешин, — ей-богу ехал к гольбштадским немцам кадки по-

купать! Ну, чего ты пристал!.. Ведь все обшарили и в тарантасе, и на мне. Пусти ты меня, не держи!.. — и, понижая голос до шепота, он в свою очередь ласково допытывался: — что это, Емельяновка? А? Переворот? Почему задержали? Скажи на милость? Я никому ни гу-гу!..

— Врешь, не спроста ты выбирался из города! — не отвечая на вопросы Орешина, настаивал Шкиль. По глазам вижу — не спроста. Зачем вчера вечером ты ходил к Киржаеву? Говори! Я знаю, что ты там был. Подделываешься и к нашим, и к вашим. Лебезил перед Советской властью, а теперь с белыми снюхался!

— Видит бог, Амельян, как попу на духу скажу! Кожу носил хромовую продавать коменданту... Знаешь, ту, которую сын из Екатеринбурга привез, еще при Советской власти. Просил Киржаев меня: принеси, говорит, сапоги новые справлять буду... А мне наплевать на него. Пущай деньги платит и берет... Только время вчера зря потратил... Офицеры вчера у Ховрина гуляли и сейчас все пьяные, а Киржаев — в лоск, лежит дома, чуть жив... Мне что он!.. Наплевать мне на него.

* * *

Прибыли связные из штаба, «окружение города окончено». ¹ Ждите условленного сигнала, — передали они. Тихий городишко огласился победными криками повстанцев. Раздались первые беспорядочные выстрелы.

В каких-то полчаса были взяты почта, телеграф, банк, две каталажки, офицерский штаб, милиция и вокзал... Все делалось молниеносно. Здесь разоружили офицерскую охрану города, еще не отрезвевшую от ночной попойки у Ховрина; там отбирали оружие у сдавшейся без боя милиции и распускали по ветру все ее делопроизводство...

Охрана «дитинской» каталажки попробовала было сопротивляться, но вскоре была перебита восставшими. Арестованных выпустили...

Сыновья попа Романова, поручик и прапорщик и ночевавший у них член земской управы, прапорщик Трубецков, услышав перестрелку и поняв, в чем дело, решили спрятаться в недостроенном соборе. Не удалось: меткие пули Петра Петровича Дещенко уложили всех троих, прежде чем они успели скрыться...

Прапорщик Добровольский попробовал переодеться богохульным мужичком, но вскоре был обнаружен и за оказанное сопротивление расстрелян на месте. Мукомол Фрей, пытавшийся удрать верхом на лошади, был убит на Первомайской улице.

Попы Яновский и Семенов забились в приютскую баню,

¹ См. прим. 4.

парильню под потолок, и вышли оттуда только на второй день после восстания.

Председатель Уездной Земской Управы эсер Девизоров и городской голова, колбасник и владелец кондитерской Самарский залезли со страха в помойную яму и там, накрытые мусором, пролежали до вечера.

— Господин штабс-капитан, господин штабс-капитан, — тряс за плечо Киржаева переодетый, с наклеенной бородой, контрразведчик поручик Полянский. Изо всех сил старался он привести в чувство коменданта, но, убедившись в бесполезности своих усилий, схватил его в охапку, вынес во двор, положил на гарбу, накрыл копной соломы и через соседний двор вывез на другую дорогу. Какой-то сердобольный дозорный из отряда Маслака посочувствовал «своему брату — мужику» и выпустил Полянского с повозкой из города.

Через два часа белогвардейская власть была сметена восставшими. На пожарной каланче вновь развевался на ветру красный флаг!

Набатный звон призывал всех в «красную школу» на митинг.

* * *

— Товарищи! Владимир Ильич Ленин учит нас, как надо делать восстания! — говорил в «красной школе» с трибуны, освобожденный отрядом Фесенко Ермолай Андреевич Кононов. Всякая заминка, всякое промедление с восстанием означает начало поражения восстания. Необходимо продолжать наступление до тех пор, пока не разгромили белогвардейцев до конца! Вы убедились сегодня, что представляет из себя белая власть. Она оказалась на глиняных ногах!.. Стоило нам организованно нажать на нее, как через два часа ее не стало. Сила в массах, в их организованности!

— Народ одобряющее запушило: — Правильно, бить надо золотопогонников!

Переведя дух, Кононов продолжал: — Наша задача сейчас заключается в том, чтобы организовать отряды, вооружить их и немедленно двинуться дальше, на Татарку. Зажечь огонь восстания в Омске, Ново-Николаевске, Барнауле! Во всех городах и селах Западной Сибири должна быть власть Советов!

Взрыв аплодисментов и крики «ура!» покрыли последние слова Кононова. «Да здравствует Советская власть!», «Долой буржуазию!» — неслось по залу.

К столу президиума поднялся старик — фельдшер Никольский (это его Буряк громко величал начальником санитарной части повстанческих отрядов).

— Товарищи! — начал Никольский. Голос его дрогнул. — Сорок лет я честно трудился не из корыстных побуждений, не для чинов и наград, а для того, чтобы приносить людям пользу.

Я вышел из простого народа, вырос среди него, на его гроши учился, и ему я обязан отдать те знания, тот опыт и силы, которые имею. Вместе с ним я делил все невзгоды. И теперь я вместе с вами, товарищи, пойду, куда пошлет нас большевистская партия.

Да здравствует партия большевиков! — закончил Никольский и быстро сошел с трибуны.

— У-р-р-а-а! — загремело в набитом до отказа зале «красной школы». Все знали и любили Никольского. Все радовались, что старый фельдшер с ними.

Вслед за Никольским говорил правый эсер, учитель Мазин:

— Партия социалистов-революционеров считает, что выступление крестьян против реакционной части офицерства правильно, но устанавливать Советскую власть в Славгороде не следует. По мнению нашей партии вопрос о форме временного управления должна решить Сибирская Областная Дума. Надо поддержать Думу против реакции!..

— К черту Думу! Довольно с нас этих Дум! Даешь Советы! — раздалось в зале. Послышались резкие свистки. Зал заволновался, загудел, как встревоженный улей.

— Долой эсеров... В каталажку их, на один сук повесить с офицерами!

Мазин махал руками, затыкал уши...

Кононов кое-как усмирил собрание:

— Пусть выскажет, — сказал он, — послушаем.

— Надо послать в Томск делегацию в Областную Думу! — продолжал Мазин. — И заявить, что славгородцы за демократическую власть, но против Советов...

— Долой! — пронеслось по залу. — Езжай в Томск, если тебе надо, а мы будем драться за Советы!..

— И поеду, — заключил Мазин, спеша убраться с трибуны. Свист и шиканье сопровождали его.

Но вот по залу пронеслось дружное «ура», на трибуну поднялся руководитель Чернодольского восстания Павел Иванович Фесенко.

Выждав, пока смолкнет шум, посмеиваясь, сказал:

— А ловко вы эсера выпроводили!

В зале засмеялись.

— В том, что в Славгороде нет больше ненавистной власти буржуазии белой офицерни, — начал Фесенко, — заслуга нашей большевистской партии. Не будь этой силы, не было бы той организованности, благодаря которой мы так быстро и ловко разметали здесь белогвардейскую нечисть.

— У-р-р-а! — Да здравствует Коммунистическая партия большевиков! — снова загремел зал школы.

— Работы и заботы впереди много, — продолжал Фесенко. — Мы должны сейчас огнем восстания зажечь всю Сибирь... Нами

руководит партия большевиков, поэтому мы непобедимы! Вперед, товарищи!

Громкое «Ура!» и крики «Да здравствуют большевики!» заглушили последние слова Фесенко.

На митинге был избран Военно-Революционный Комитет. В него вошли Фесенко, Кононов, Евмин, Теребилло. Пятым по предложению чернодольцев был избран освобожденный восставшими из тюрьмы Ефрем Дмитриевич Цирюлько — семидесятилетний старик, арестованный 30 августа в Черном Доле Киржаевым. Цирюлько пользовался большой популярностью. Хозяйственный, довольно образованный мужик, он образцово вел свое середняцкое хозяйство, вырастил плодовый сад, развел породистый скот, водил пчел, сеял клевер, удобрял землю, вел многопольный севооборот. Семья Цирюлько состояла из 30 человек. Все сыновья, снохи, внуки и даже правнуки жили вместе с ним под одной кровлей.

Сейчас он, степенно поглаживая длинную до пояса седую бороду, стоял у трибуны, раскланивался по сторонам, благодарил за избрание и обещал «поработать на благо крестьянской худобы»...

На митинге было решено также созвать 12 сентября Уездный съезд Советов. На первом заседании Ревкома была создана милиция, организованы отделы Ревкома и назначены заведующие.

В Бурлу, Карасук и Купино Ревком выслал заслоны. Во все волостные села были направлены уполномоченные для создания ревкомов и по подготовке к выборам делегатов на Уездный съезд Советов.

Славгород снова стал советским городом...

* * *

Поздно вечером в просторном доме Винокурова, где раньше размещался белогвардейский штаб, проходило закрытое собрание членов партии большевиков. На повестке дня стояли организационные вопросы: об организации власти в городе и уезде, о создании из повстанческих отрядов правильных войсковых соединений, о дальнейшем наступлении. Обсуждался и вопрос о созыве Уездного съезда Советов.

Весь подпольный комитет был здесь: Емельян Шкиль прикрепил над столом старые, сохраненные им портреты Ленина, Маркса и Энгельса.

Прибывают партийцы... Их опознают при входе Шкиль и Савиных, (вновь назначенный начальником милиции). Вот прибыл сильно постаревший, маленький, сгорбившийся, но не утративший живости, Павлюченко, а вот и одноглазый грузчик Медведев. Решено было пропустить на собрание Абдурахмана Кукумбаева, казаха, члена президиума первого Совета в Славгороде,

активно боровшегося в красногвардейском отряде с белыми в мае—июне месяцах.

Сильно поредели ряды Славгородской организации... Многие пали смертью храбрых, защищая первую Советскую власть в Славгороде, многие были расстреляны и замучены в белогвардейских застенках и сидели в Омской и Ново-Николаевской тюрьмах. И все же свыше тридцати человек участвовало в этом собрании.

— Вот; кажется, и все, — закончил Евмин составление списка. — Что ж, товарищи, начнем собрание?

— Открывай. Давно пора — одобрил предложение Буряк.

Неожиданно встал с места Кононов. Тихо, но уверенно он начал петь «Интернационал».

Все поднялись и подхватили свой боевой партийный гимн. Из нестройного хора выделялся высокий и чистый голос Петра Дещенко. Пели торжественно, взволнованно, радостно, пели открыто, победно, впервые после долгого молчания подполья.

По вопросу об организации власти было решено: утвердить выбранный на митинге Уездный Революционный Комитет, образовать ревкомы во всех волостях и селах, организовать при ревкомах отделы, которые были созданы при первой Советской власти. Решили также командировать надежных товарищей в каждую волость для организации власти и ведения партийной работы. Здесь же были выделены комиссары на почту, в банк, принят текст обращения к населению. Ермолай Кононов был утвержден редактором «Известий Славгородского Ревкома».

Когда началось обсуждение вопроса о создании Революционной Армии из повстанческих отрядов и дальнейшем наступлении, поднялся Емельян Шкиль.

— Товарищи! — заговорил он высоким контральто. — То, что я скажу, может сегодня показаться странным. Именно сегодня мы одержали первую победу, но восстание в опасности! Обывательская часть восставших вместе с подкулачниками разлагают наши ряды! Повстанцы начинают самовольно разъезжаться по домам. Необходимы срочные меры по созданию крепкой боеспособной Армии. Белогвардейцы спать не будут, они организуют контрнаступление! Нам надо опередить их. Полянский и Киржаев бежали, их нигде не нашли!

Тревожное сообщение Шкиля возымело свое действие. Решили поручить Фесенко, Кононову и Евмину провести 2 сентября общее собрание повстанческих отрядов.

Жаркие речи и споры на собрании затянулись. Поэтому важнейший вопрос о созыве Уездного Съезда 12 сентября был решен наспех. Несмотря на убеждения Кононова и Фесенко, предлагавших отложить Съезд до полной победы над буржуазией во всей Западной Сибири, его все же решили назначить на 12 сентября.

Решение о скором созыве Уездного Съезда было одной из

ошибок Чернодольского восстания. Подготовка к съезду отвлекла силы партийцев как раз тогда, когда они больше всего были нужны на фронте борьбы с карательями...

* * *

Гудела толпа повстанцев, собравшихся 2 сентября 1918 года на площади. Отряды, правильно разбитые ночью 31 августа по полкам, ротам, взводам, отделениям, перемешались...

— Большевики взяли власть, им ее и защищать... А мы землеробы. Нам сейчас по хозяйству справляться надо... Воевать некогда! — выкрикнул из толпы неизвестно откуда появившийся юркий чернодольский кулац-торговец Бруслинец.

— Нэ годиться нам, трудящимся, слухать Бруслинца и Никитченко, — вылез на крыльце здания волостного управления, снимая теплую шапку, Мытро Скрипка. — Они, конечно, люди зажиточные. Ихняя кишка привычна только к гарным харчам... Их в другую от нас сторону тянет... Несподручна, видать, им Советская власть, а нам без нее никак нельзя. Подсобляли большевикам брать город, надо подсоблять до конца! Пропадут большевики — пропадем и мы... Без большевиков нам шагу не ступить. А Бруслинца надо взашей гнать отсюда, пущай нэ смущае добрых людей...

— Тише... Погоди, помолчи, рыжий! — перебил речь Скрипки дед Руденко, видя, что к крыльцу идут Фесенко, Кононов и Евмин.

Быстро поднявшись на крыльце, Фесенко сдернул фуражку, поднял руку... Прекратились разговоры.

— Я до тех пор ничего не скажу, пока все, кто за Советскую власть, за революцию, не построятся по своим отрядам, полкам, ротам и взводам! — начал Фесенко. — Пока не будет полного боевого порядка.

Сгрудившиеся в кучу люди бросали дымящиеся цигарки, расходились, строились в ряды.

Послышались команды. Люди рассчитывались на «первый, второй», сдавивали ряды. Наконец вокруг крыльца волости около двух тысяч повстанцев образовали правильную букву «П».

— Неорганизованных граждан прошу выйти за фронт! — скомандовал Фесенко.

— Повстанцы! Сми-ир-но-о!

Павел снова почувствовал себя командиром, он видел перед собой послушные его воле отряды.

— Три шага вперед! Шагом!.. Арш!.. Ать!.. Два!.. Три!..

Отряды подались вперед и разом замерли у самого крыльца...

Оправляя ремень, Фесенко начал:

— Поредели наши ряды со вчерашнего дня! Очень поредели, больше половины людей положили оружие, значит, больше

не хотят воевать!.. Но лучше пусть будет нас меньше, да крепче мы будем духом и дисциплиной. Всех малодушных и трусов, всех, кто боится предстоящих трудностей, кто больше думает о своем хозяйстве, чем об общем деле, мы отпускаем на все четыре стороны: идите домой, управляйтесь со своим хозяйством. Не мешайте нам драться с буржуазией, не путайтесь у нас под ногами!.. — Что же, товарищи, выходит, многие решили, что мы уже кончили, победили, и теперь можно успокоиться, можно заниматься мирным трудом?!

— Никак не можно! — громко сказал дед Руденко, протиснувшись через фланг повстанцев к самому крыльцу.

— Правильно сказал, старина! — обращаясь к Руденко, продолжал Павел Иванович.

Руденко довольно крякнул от этой похвалы.

— Нельзя забывать, — продолжал Фесенко, — что мы упустили Киржаева и Полянского. Они сбежали в Омск и не сегодня, так завтра нам придется сцепиться с организованной, вооруженной до зубов белогвардейщиной! Мы столкнемся с беспощадными карательными отрядами. Надо, не теряя ни минуты времени, приниматься за организацию крепких воинских отрядов и быстро перейти самим в наступление!

— Правильно говоришь, Павел Иванович! — выкрикнул командир взвода Бибик.

— Правильно! — подхватили в рядах. — Даешь оружие! Все пойдем!

Из толпы, стоящей за фронтом, на крыльцо поднялся молодой семнадцатилетний парень Семен Бойко. Смузаясь и краснея, он тихо заявил:

— Я, товарищи, записываюсь в отряд повстанцев добровольно.

Ему зааплодировали. Он помолчал некоторое время, оправился от смущения и громко крикнул:

— Клянусь всему собранию, что буду драться до тех пор, пока ни одного белогвардейца не останется в Сибири!

— Ур-р-а-а! — дружно крикнули стоявшие в передних рядах повстанцы.

— Вот молодцы! — одобрил во всеуслышание Мыстро Скрипка.

Вслед за Семеном Бойко записался в отряд его брат, а за ними вышли к крыльцу собравшиеся было ехать домой в Котлованку два внука Прокопия Собко — Сергей и Роман, которых убеждал ехать домой Никитченко.

— О це, да, молодежь! — не утерпел Скрипка, с восхищением наблюдавший за братьями Бойко и Собко, — показывай, показывай старикам дорогу!..

За ними двинулись товкуновские Скларенко Петр, Школа Степан, Попский и другие.

За каких-то полчаса отряды пополнились больше чем на тысячу триста человек...

— Товарищи! — вышел на крыльцо Григорий Демьянович Евмин. — Я приветствую нашего боевого командира товарища Фесенко, приветствуя вашу решимость бороться до конца с белогвардейской сволочью! Но надо подумать о вооружении, о снабжении наших отрядов, надо подумать о транспорте.

Оружия у нас мало, но мы уже теперь не с голыми руками, как было 31 августа. Нам надо использовать все винтовки, которые вы, товарищи фронтовики, припрятали по селам. Мы должны организовать свои мастерские по изготовлению и набивке патронов. Нужен свой транспорт. Надо наладить питание наших армейцев. Нужно по городу и ближайшим селам и деревням наладить выпечку хлеба для армии. Надо все это иметь, чтобы обеспечить победу над белогвардейцами... Работа большая, и большевики призывают ее выполнить. — Он отошел в сторону, уступая место поднимавшемуся на крыльцо деду Прокопию Собко из Котлованки...

— Тише, товарищи, дед Собко говорить будет! — кричали в передних рядах у крыльца.

Дед взошел на крыльцо, снял шапку, повесил ее на перила, откашлялся...

— Детки! — начал он. Я так понимаю: хорошие люди помогают нам, крестьянам, устраивать свою жизнь. — Дед повернулся в сторону Евмина: — Надо слушать их! Верно говорят... Справедливо! Я уже стар, не гожусь для войны, а своим внукам Сереже и Роману я земно кланяюсь и прошу: постойте, родные, за наши крестьянские дела и права!.. Послужите, дорогие ребятки, своей родной власти! Не дайте сгинуть ей!

— У-р-р-а-а! Качать дедка Прокопия! — крикнул кто-то из повстанцев.

Деда, сходившего с крыльца, подхватили пар тридцать здоровых рук.

— Ой, детушки, ой, милые, не уроните!.. — выкрикивал подбрасываемый дед.

Снова вперед вышел Фесенко и поднял руку. Нарушенные было ряды выравнялись.

— Итак, товарищи, как будто бы порешили?.. И насчет организации, и вооружения, и подвод, и продовольствия для армии. Уездный ревком на основе ваших сегодняшних решений издаст приказ. Этот приказ будет для нас революционным законом.

Не успел Фесенко кончить, как стоявшие у крыльца заволновались. Кто-то, работая руками и ногами, расчищал себе дорогу...

— О цэ ж гарно порешили! — громко крикнул вынырнувший откуда-то из толпы Скрипка, с шумом толкая впереди себя двух гармонистов и скрипача...

— Дозволь, Павло Иваныч, по такому случаю здэся бал открыть. Протанцоваты гопачка?!

— Валяй! Танцуй! — махнул рукой и заулыбался Фесенко.

— И-и эх!.. Рэжь, хлопцы, так, щоб ноги самы у пляс пойшли! Рубы!.. Рэж — чаще! — приказал Мытрову музыкантам и с силой бросил об землю шапку. Выпрямился, встал в позу, упершись обеими руками в бока... Гармонисты разом рванули украинского «Гопачка». Его подхватила скрипка. Мытров повел плечами, вздрогнул и, выставив правое плечо, важно, как индюк, пошел по кругу, пристукивая сразу и носками и каблуками сапог в такт музыке. Вдруг он высоко подпрыгнул, присел и пошел, не поднимаясь, быстро выкидывая из-под себя ноги...

— От бисов сын, гарно танцуе! — сказал завистливым голосом Руденко.

Ой, кумэ, нэ журыся,
Туды, сюды повэрныся...
Я в лису дрова рубыла,
Рукавыци позабыла...
Топор, рукавыци,
Рукавицы и топор! —

выкрикивал в такт музыке Мытров.

— Эй, Рудэнко, выходы, диду!.. Пэрэпляшу! — заметив Руденко, крикнул Скрипка...

На круг в пестрых, расшитых украинских костюмах, в желтых, синих, красных сапожках на высоких каблуках (и где только успели раздобыть!) выскочили Грыпина Гонопко, Ганна Коваленко, Марына Маслак и Прыска Собко — санитарки отрядов... Зазвенели бусы и монисты, развевались разноцветные ленты из-под бумажных венков.

Как брошенный откуда-то сверху волчок, завертелся еще сильнее и быстрее Мытров Скрипка. Под дружное одобрение толпы он выбрасывал «коленца» все сложнее и замысловатее.

— А ведь это Мытров, сукин кот, все организовал! — сказал обращаясь к Кононову и Евмину, Фесенко.

— Ну и дошлый мужик, умеет народ веселить!

Командиры направились к оседланным лошадям. Надо было торопиться в Черный Дол.

...Музыкантам не давали передохнуть. Пары то и дело менялись. Круг раздвинулся.

Натешившийся Мытров стоял и шапкой утикал катившийся градом пот...

* * *

На утро 2 сентября славгородцы видели уже стройно двигавшиеся по городу повстанческие части. На заборах всюду было расклеено напечатанное крупными буквами обращение повстанческого штаба к трудящемуся населению города, призываю-

шее к спокойствию и обычной работе.¹ На перекрестках улиц и на базаре стояли милиционеры с винтовками за плечами и красными повязками на рукавах.

Еще с вечера собравшиеся на базар крестьяне близких сел бойко торговали. Работали столовая, заезжий двор и гостиница. В летнем саду вечером по случаю избавления города от белогвардейцев было устроено народное гуляние. Играли духовой оркестр...

Жизнь входила в свою обычную колею. Только магазины крупных купцов стояли закрытыми. Тяжелые замки висели на дверях и ставнях.

* * *

Побоялся Роман Григорьевич Буряк направить шестнадцатилетнего добровольца в отряд: мало ли что может случиться, а парнишку надо уберечь. Стал Семен Бойко штабным ординарцем. Раздобыли ему широченные галифе, за неимением другого подходящего оружия, дали длинную кривую саблю. Семен оказался расторопным, сообразительным парнем. Он ловко управлялся с телефонами, вызывая даже те пункты, связь с которыми считалась прерванной, мигом выполнял все поручения и ревностно заботился о том, чтобы «не надоедали попусту Роману Григорьевичу».

— Добился своего, дядько, ну и действуй, — спровоживал он любителей подробнее разузнать в штабе, что и как.

Время от времени Семен осведомлялся у Фесенко:

— Вы еще не спите, Павло Иванович? Да разве так можно! Сон — это тоже подготовка к бою, — повторял он, заимствованную у Мытро Скрипки формулу.

Фесенко смеялся, и сон снимало как рукой. Впрочем, ему было не до сна. Вчера вечером на совместном заседании штаба, Укома и Ревкома был принят план наступления на Татарку, Каинск и Барабинск.

К 5 сентября железнодорожное сообщение между Омском и Ново-Николаевском должно было быть прервано. В Омске на это время намечалась забастовка железнодорожников. Таково было решение вчерашнего совещания. Сегодня этот план пограничники начали приводить в исполнение.

КАРАТЕЛЬ АННЕНКОВ

В станице Заостровской его почти все знали. Многие помнили, как при Советской власти он скрывался в доме казака Пантихи Перфильева. Помнят все и то, как он похитил из Омска знамя Ермака.

Всем хорошо знакомы его прекрасно скроенная сухощавая

¹ См. прим. 5.

фигура, подвижное, чисто выбритое, нахально дерзкое лицо, лихо заломленная на затылок казачья фуражка, из-под которой слева на лоб свисает черный чуб.

Глаза атамана никогда не смотрели прямо на человека, они были обращены куда-то вдаль, в сторону, а если случайно взглядел его сталкивался с взглядом другого человека, тот поражался хладнотостью этих смотрящих в себя волчьи-голодных глаз... Не попадайся этому человеку: живьем съест, но сначала насладится муками своей жертвы.

Улыбался он редко, да и то только уголками рта; глаза и лицо оставались неподвижными.

Анненкову было всего двадцать семь лет. У него не было друзей, даже приятелей. Он считал себя монархистом и не признавал временного сибирского правительства. Военного Министра Иванова-Ринова называл не иначе как пустозвонной английской болонкой, а сухопутного адмирала Колчака впоследствии именовал бездарнейшим лакеем Чемберлена. Временное правительство он намеревался терпеть только до тех пор, пока не сколотит армию в двести-триста тысяч. После этого он мечтал произвести переворот и объявить себя диктатором.

...Одетый в защитную гимнастерку, с георгиевским крестом на левой стороне груди и изображением черепа над скрещенными костями на рукавах, Анненков сосредоточенно смотрит в одну точку. В салон-вагоне поезда, снаряженной в Славгород карательной экспедиции он принимает рапорт начальника штаба капитана Денисова. Поодаль сидит уполномоченный временного правительства полковник Фрунтов. Его Анненков взял с собой только потому, что он был личный друг министра Вологодского.

Вчера, 6 сентября, Омское правительство долго заседало и обсуждало, как ликвидировать Славгородское восстание. На заседании были Славгородский контрразведчик Полянский и комендант города Славгорода штабс-капитан Киржаев.

Эсеры предлагали ликвидировать «конфликт» мирным путем, но большинство настаивало на «твёрдой руке», а потому постановили послать карателя Анненкова и, по настоянию эсеров, в качестве комиссара к нему приставить прaporщика Самохина.

Анненков прочитал телеграмму председателя Областной Думы И. Якушева и удостоверение Самохина, подписанное Крутовским и Вологодским и в присутствии всего своего штаба заявил прaporщику:

— Как честный русский офицер, я должен повесить вас на первом фонарном столбе. И, будьте уверены, если бы под вашим мандатом не было подписи уважаемого Петра Васильевича Вологодского, которого я считаю искренним патриотом, я сделал бы это сейчас же и с большим удовольствием. Предлагаю вам немедленно отправляться туда, откуда вы явились, и никогда больше не показываться на глаза солдатам и офицерам моего отряда. — Кру-гом! Шагом! Ар-ш!

— Ах, сукины сыны, эти эсеры! Военкома ко мне назначили! Без крови хотят! Мало мы их порем, вот и вспомнили опять о комиссарах, — раздалось Самохину в догонку.

Только после переговоров с Вологодским Анненков согласился взять к себе в поезд, но не как комиссара, а как представителя правительства полковника Фрунтива — личного друга Вологодского.

— Все, брат атаман, готово, все в порядке, — докладывал начальник штаба, одергивая свою темно-синюю черкеску и правляя слишком далеко съехавшую на затылок серую папаху с голубым верхом. — В вагоны погружены: одна рота первого стрелкового полка, рота второго Верхне-Уральского, сотня сибирских казаков, эскадрон кирасир и гусаров — всего пятьсот тридцать семь бойцов. Прикажите отправляться?! — вытянулся, прикладывая правую руку к папахе, Денисов.

— Пятьсот тридцать семь сабель... — не глядя ни на кого, рассуждал Анненков. — Да... Это достаточно! Написать приказ, чтобы с красными расправлялись беспощадно. В плен не брать! Понятно?

Денисов молча приложил второй раз руку к папахе и звякнул шпорами...

— Дайте телеграмму этим... как их... — левая бровь атамана нервно прыгнула вверх. Он встал, прошелся по вагону. — Как их... Этим трусам... офицерикам, которых красные прогнали от Бурлы. Которые окопались и сидят в Шипицино...

Анненков подошел к столу и вслух начал диктовать начальнику штаба:

— Командиру офицерского отряда Шипицино. Распоряжением штаба на помощь вам выслан карательный отряд в пятьсот сабель. Начальником группы назначен я. Ждите распоряжений.

Атаман Анненков.

Атаман холодно посмотрел на полковника и продолжал:

— Пустить по Кулундинской ветке от Татарской на Славгород впереди нашего пассажирский поезд. Направить с ним нашу разведку!

* * *

В теплушках и вагонах четвертого класса среди нижних чинов карательного отряда в это время тоже обсуждалось создавшееся положение. Вопросы политики там всегда понимались и обсуждались с точки зрения их пригодности или непригодности к крестьянскому хозяйству.

— Слышал приказ атамана? — спросил старый казак Пантелея Перфильевич (тот, что спасал Анненкова во времена Советской власти) своего сына Герасима.

— Не велит щадить атаман пленных, красных. Правильный, смекаю я, приказ: так и надо их, сукиных сынов!

Сын ничего не ответил. Он зевнул, повернулся к стенке и за-

снул. Лодырь и пьяница, размотавший почти все хозяйство, отец не был для него авторитетом.

— Ты, дед, больно сурьезно говоришь, — шутливо отозвался с соседней полки солдат Беспятый. — Чево ты так на большевиков осерчал, али допекли порядком?

— Да, друг ты мой, допекли, что и говорить, — обрадовался уже подвыпивший и теперь словоохотливый Пантелея. — Раньше мы были хозяевами здешней земли... От Ермака, виши, ее получили. А теперь понаехало этой иногородней голытьбы видимо-невидимо. Все земли нашими были, а, виши, теперь давай и им землицы. Да еще киргизия всякая немытая туда же лезет, и им дай. Равноправие... Запретили, виши, ты, старым казакам шаровары с лампасами носить и фуражки с синим окольшем. Как одел мундир в праздник, али так когда — сразу ты контра, в подвал тебя. Я его, мундир, может, от царя Миколая первого получил, полсотни годов носил, а они «скидавай». Ух, стервецы, паршивцы! — скрипнул зубами Пантоха.

— А вдруг, — не унимался собиравшийся в дозор на паровоз солдат, — а вдруг, Пантелея Перфильевич, у них в Славгороде сила окажется, да как чесанут нас оттуда по мягким местам?!

— Куды там! — замахал руками Пантоха.

— А ведь не могут дальше Шипицина подвинуться офицерские отряды, не пускают в Купино краснoperые! — откликнулся с нижней полки молодой казак Кругляков. — Матрос там, говорят, какой-то командует. Шибко, говорят, храбрый и дошлый парень. Как вышиб офицеров из Купина, так и не пускает...

— Что ты говоришь?! — недоверчиво переспросил Пантоха. — Храбрый, говоришь? Ишь ты... Бывает всяко... Только и наш атаман дошлый. На три аршина в землю видит. Быть этого не может, чтобы нам всыпали. Осилим, погоди! Бог-то с нами.

— Скажи мне на милость, Пантелея Перфильевич, — вмешался в разговор уральский казак Копытцев. — Чевой-то ты на землю жадничашь? Вон ее сколько и все непаханная! — показал он в окно, мимо которого, навстречу идущему поезду, неслась покрытая редкими колками степь.

— А как же без земли? — развел руками Пантоха.

— А как же мы на Урале живем? Какая к примеру у нас в Шурале земля? Камень голый! Да лес непроходимый. Огордишко там всковыряешь и все. Кабы с батьком не промышляли золотишко да самоцветы, не на что было бы содержать козацкую справу...

— Что и говорить, верно! — поддержал Копытцева сосед по нарам, тоже уралец Курочкин. — Неча хвалить нашу уральскую жизнь, — добавил он.

— У вас, в Сибири, видать, привольней, а мы не лучше заводских ребят живем. Маэта одна!

— А ты, паря, не большевик ли часом? — съехидничал Пантоха.

— Большевиком я не был и не буду, Пантелей Перфильевич, а только от большевиков ничего худого не видел. У нас, на Урале, такого притеснения не было, — спокойно ответил Копытцев. — Я хрещеный, — продолжал он, — в бога верую, мне с большевиками не с руки.

— Так... Так... — поглаживая бороду, отозвался Панюха, не зная, что ответить Алексею Митричу.

— Вот ты говоришь, — опять начал Копытцев, — красные прижимали казака. А вот мне довелось и от своего есаула такую жаркую баню принять, что и сейчас помню. Дело было еще до германской войны... Однова поехал я тайком на строевом коне в лес за дровишками. Рано это я обернулся, на свету домой в Шуралу еду. Спускаюсь под горку — шашь навстречу верхом есаул.

— Ишь ты, какая незадача! — вставил насторожившийся Панюха.

— Пропал, думаю, — продолжал рассказчик. — Остановил он меня. Я, как полагается, в струнку: здравия, мол, желаю, ваше благородие. Он молчит, слез с коня, подошел ко мне и раз-раз по правой, раз по левой скуле! Как ты смел, говорит, на строевой (узнал по масти) по дрова ехать?

— Ишь, стерва, дошлый какой! — не утерпел Ануфрий Беспятый.

— Звестно, дисциплинуправлял! — важно насупясь, вставил Панюха.

— А где, говорит, твоя рабочая лошадь? — рассказывает Копытцев. — Так что, говорю, ваше благородие, богу душу отдала, татары мяско сожрали. Дозвольте уж довезти дровишки, детишки мерзнут. Отпрягай, грит, коня немедля, привязывай к задку саней. Взбеленился есаул, спасу нет. Кричит, матерится. Сполняю его приказ. Отпрег, привязал. Становись, грит, в оглобли, вези! А сам плетюганом меня хлесть по спине.

— И повез? — спросил Беспятый.

— Повез, куда денешься... Безу, а он рядом едет. Нет-нет да и понужнет нагайкой... Живей, грит, вези, детишки мерзнут, да и мне некогда с тобой вожжаться!..

— Как еще твово коняку за кучера не посадил, и за то спасибо скажи, — невесело пошутил Курочкин.

— Да, дисциплинуправляли ране, — опустив голову, сказал Панюха.

РАСПРАВА АННЕНКОВА С ВОССТАВШИМИ

Смерть Фесенко

Несколько раз бросались 6 и 7 сентября повстанческие части на офицерские окопы у Шипицино, но каждый раз натыкались на меткий ружейный и пулеметный огонь, несли потери и отступали.

Три раза был легко ранен матрос Гончаренко, царапнула офицерская пуля и Ермолая Кононова. Редели ряды атакующих. Уже свыше сорока тяжело раненных лежали на перевязочных пунктах в Купино, Вагане и Карасуке. Легко раненные после перевязки возвращались в строй.

Никольский, еще два фельдшера и врач славгородской больницы сбились с ног, ухаживая за ранеными.

7 сентября на площади в Купино повстанцы опустили в братскую могилу двенадцать гробов.

Положение создавалось тяжелое. Белогвардейские части, хорошо соединенные со своими тылами, постоянно получали подкрепление, боеприпасы, продовольствие. Помогало и местное кулачество и бежавшие белые милиционеры.

* * *

8 сентября белые оставили Шипицино. Дежурный по станции по телефону просил разрешения отправить пассажирский поезд. Он уверял, что в поезде нет военных, что едут только женщины и дети.

Повстанцы разрешили. Разведка и дозоры донесли, что на горизонте показался дымок поезда.

Навстречу пассажирскому двинулся повстанческий платформенный поезд. На платформах были укреплены железные щиты и сложены стенки из мешков с песком. По обоим сторонам насыпей залегли повстанцы.

Вскоре поезд из Шипицино остановился. В бинокль был хорошо виден весь состав. Позади классных прицеплены десять крытых товарных вагонов. Около пассажирских засутились вооруженные люди. Они высаживали и саживали с насыпи женщин и детей. Те отчаянно сопротивлялись и кричали.

В рядах карателей наступило замешательство. Видя, что их планы разгаданы, побросав женщин, каратели начали открыто выводить из вагонов лошадей и строиться... Через минуты две сверкнули клинки. С гиканьем и свистом казачья сотня устремилась вперед.

Когда расстояние до противника сократилось до ста саженей, с флангов брызнул меткий ружейный и пулеметный огонь. Каратели сначала сбились в кучу, потом повернули обратно под защиту своего поезда, оставив на месте убитых и раненых.

Атака была отбита и, казалось бы, надо нанести новый удар по карателям, но в это время прискакал гонец с приказом — отступать, так как вслед за «пробным» поездом движутся основные силы Анненкова.

Вслед за импровизированным «бронепоездом» двинулся и состав карателей. Поезда шли, не отрываясь друг от друга. Только к утру, когда был разобран мост у самого Карасука, состав карателей отстал.

Повстанцы стягивались к Бурле.

10 сентября вечером у полуказармы 258-й версты Кулундинской железной дороги остановился карательный поезд атамана Анненкова. Двигаться дальше нельзя: деревянный железнодорожный мост через речушку, соединяющую два озерка, оказался уничтоженным. Это казах Абдурахман Кукумбаев привез пятнадцать кулей соломы, а Кругляков Федор, Первашов Семен и Горпенчук Николай привезли из Гусиной Ляги флягу керосина и, по приказанию штаба, под вечер сожгли мост.

— Выгружайтесь! — раздалась команда. И заметались по степи, по засохшим солончакам и вокруг озерок конные разведчики. По всем направлениям поскакали разъезды. Но молчалива была Кулунда, шумели только камыши у пресноводного озера. В этих-то камышах и удалось гусарам поймать, сжегших мост Круглякова, Дьяченко, Первашова и Горпенчука. Только Абдурахман Кукумбаев, увидав приближающихся черных всадников, вытянул нагайкой своего поджарого «киргиза», успел скрыться за небольшой гривой по направлению к Гусиной Ляге.

«Для начала» сам атаман решил допрашивать захваченных. Он собирался дать отряду «наглядный урок», как надо усмирять бунтовщиков.

По команде «смирно» уже около двадцати минут стояли полу-кругом оренбургские, сибирские и верхне-уральские казаки, черные гусары и кирасиры в полном боевом снаряжении. Черное знамя отряда сверкало серебряными галунами и эмблемой карателей — черепом над скрещенными костьми.

Отряд ожидал своего атамана. Некоторые казаки уже начали терять терпение. Все торопились до ночи добраться в Гусиную Лягу, где можно пограбить «челдонского» добра, разживиться на счет самогону и побаловаться с бабами, а тут неожиданная задержка...

— Кончать бы их скорей, — пробормотал про себя Пантелеев Перфильевич.

Но вот из вагона вышел Анненков. Из-под нависших бровей он обвел глазами ряды выстроенного отряда и мельком взглянул на плениников. Левая бровь атамана запрыгала, дрогнул тонкий стек в заложенных за спину руках.

— Вы откуда же будете?! Как вы сюда попали? — спросил атаман нетерпеливо.

— Мы здешние, — ответил рыжеватый Горпенчук. Остальные молча рассматривали блестящие лакированные сапоги атамана.

В дверях вагона, нервно дергая портупею, стоял Денисов, сзади из-за него выглядывала заспанная физиономия полковника Фрунтова.

— Я вас, мужички, не собираюсь обижать, я вас даже отпущу на волю с миром. Я знаю, что вас одурачили, — Анненков

потянул в себя воздух... — Но вы должны сказать мне, где красивые, сколько у них сил и что они собираются делать...

— Про красных мы ничего не слыхали, — ответил Кругляков, поднимая кверху оспяное лицо с черной бородой. Потом отвернулся в сторону и потупил взгляд в землю...

Левая бровь атамана опять запрыгала, чуб выбился из-под заломленной фуражки, стек полетел в сторону...

— Так вот как?! — сатанел Анненков. — Ты ничего не знаешь, гад?! А кто взбунтовался в Славгороде?! Кто здесь сломал? — волчьи глаза блеснули огоньком, налились кровью...

— Не знаешь?! Не знаете, гады?! — наступал он на пятившихся к вагону мужиков, вынимая на ходу шашку из ножен...

— Смотрите! — обратился он к солдатам. — Это красные шпионы, а с ними мы поступаем вот как! Вот как!

Сверкнула сталь один и другой раз... Голова Горпенчука, хлопая глазами и зевая ртом, покатилась под вагон, ездрагивающее тело упало к ногам атамана. Громко вскрикнув, упал рассеченный от плеча до пояса Павел Кругляков.

Спрятавший с подножки Денисов схватил за ноги намеревавшегося проскочить под вагон Дьяченко и всадил ему в спину и затылок несколько пуль.

— Беги! — в исступлении крикнул атаман остолбеневшему Семену Первашову. Первашов продолжал стоять, ничего не соображая...

— Беги!.. — еще раз крикнул Анненков, делая гусарам знак, чтобы дали дорогу...

Первашов нерешительно попятился, потом начал тихо шагать, беспрестанно оглядываясь на стоявшего у вагона атамана.

— Беги! — еще раз приказал атаман. Первашов, пройдя цепь казаков, оглянулся и пустился бежать, не оглядываясь...

— А ну, кто догонит и с одного маха кончит зайца! — крикнул Анненков, обращаясь к казакам.

Из строя выскочил на вороном коне молодой казак Герасим Пантелеев. Он лихо отсалютовал атаману шапкой.

— А ну, догнать! — улыбаясь углами губ, приказал Анненков.

В ответ раздалось цоканье копыт по сухой, отвердевшей почве, да поднялось густое облако пыли.

Почувствовав погоню, Первашов прибавил бегу, стремясь достичь приозерных камышей... Вот уже совсем близко камыши... Но почти за спиной слышен и храп приближающейся лошади...

Вдруг... Что это? Сбоку из дальних камышей — залп. Первашов замедлил бег... Оглянулся... Мимо него проскочила ворона лошадь, волоча по земле казака, запутавшегося ногой в стремени. Лошадь круто повернула к нему и остановилась... Наконец, Семен сообразил, что случилось. Быстро выдернул из стремени ногу убитого, сорвал с него винтовку и патроны, вскочил в седло и скрылся в камышах...

Атаманская злая шутка «охота на зайца» не удалась.. Сам Фесенко со взводом чернодольцев пришел на выручку разведчикам...

...Уже совсем стемнело, но каратели еще атаковали камышы. Взять повстанцев так и не удалось. Потеряв человек двадцать убитыми и ранеными, они ни с чем ушли к поезду.

Фесенко, пользуясь темнотой, благополучно оттянул взвод к Гусиной Ляге.

* * *

Нервно перебирая пальцами, заложенных за спиной рук, Анненков метался по салон-вагону.

— Кто проморгал в камышах красную засаду, капитан Денисов?.. Почему разведка их не заметила? Это скандал!.. Слышите, я говорю скандал!

Он прошелся еще раз и сел.

— Позовите сюда этого... как его... Мельника Бухаткина, который приехал к нам с новостями...

Денисов вышел. Анненков, обращаясь к сидевшему против него в облаках дыма Фрунтову, спросил:

— Ну, как ваше самочувствие, полковник? Подсидели нас, стервецы! Ну, да мы себя еще покажем! Думаю, что конец красивых близок.

— Я думаю, атаман, что пока приходится говорить не о конце, а — не совсем хорошем начале, — выпуская клубы дыма, заговорил начинавший тучнеть представитель временного правительства. Кстати, не понравилось, атаман, что вы сами исполняете обязанности палача... Я как представитель временного правительства...

Анненков не дал ему договорить. Он побледнел, вскочил, стукнулся по столу кулаком:

— Раз и навсегда бросьте разговаривать со мной вашим менторским тоном! Я не в кадетском корпусе. Я, а не вы, возглавляю карательную экспедицию, я, а не вы, буду карать...

— Как представитель временного правительства...

— Наплевать мне на ваше временное... Я патриот и монархист и никогда не буду лизать пятки и пресмыкаться перед англичанами, французами и японцами, которые «временно» поддерживают ваше правительство.

Анненков снова заметался по вагону, выкрикивая:

— Я не играю в демократию с либералами, хотя я потомок декабриста... Я сторонник твердой власти, жестоких и беспощадных мер... Я считаю, что всякий честный офицер, уважающий себя и любящий Родину, должен подавать в этом пример своим подчиненным. Это мои убеждения, и от них я не отступлю и не потерплю, чтобы меня в этом деле кто-либо одергивал! Слышите, полковник! А если вам не нравится мое поведение, могу завтра же отправить вас обратно...

В салон вошел Денисов в сопровождении какого-то верзилы с подстриженными «под горшок» волосами, одетого в московскую синюю суконную поддевку.

Верзила степенно снял картуз и молча поклонился Анненкову и Фрунтову.

— Садитесь, господин Бухаткин, — успокоился Анненков. — С чем вы к нам пожаловали?

— Я пришел доложить вам, атаман, — он сел в кресло, оправил волосы и, держа фуражку на левом колене, продолжал... — о зверствах красных и о том притеснении, которое мы, промышленники, имеем от них. Все славгородское купечество, все промышленники просят вас, атаман, вырезать красную язву... Сами рассудите, господин атаман, разоряет нас Советская власть. Вот и теперь опять попали в притеснение... Имел я мельницу в Ново-Песчаном.

Анненков поморщился и нетерпеливо махнул рукой:

— Короче, господин Бухаткин. Все это известно. Расскажите лучше, где расположены красные, сколько их и что они намерены делать?

— Хорошо... Хорошо... — смущаясь Бухаткин. — Можно... Крупные силы красных сейчас в Гусиной Ляге. Там находится их командир, это самый бандит... Фесенко. Сказывали, два пулемета у них имеется.

Бухаткин понизил голос до шепота:

— Мало у них винтовок-то, да и патронов не очень... Больше все охотничьи ружья...

Бухаткин замолчал, уставясь преданными собачьими глазами на атамана.

В салон-вагон вошел вестовой офицер и доложил, вытягиваясь в струнку, что мост через речку исправлен.

— Какие будут приказания, брат атаман? — беря под козырек, спросил он.

— Капитан Денисов! — Анненков встал, делая Бухаткину знак, чтобы вышел. — Немедленно распорядитесь посадить людей в поезд... Впереди по бокам и сзади пустить конные дозоры. Медленно, без огней двигаться, до полуказармы 265 верст... Там стать и выгрузиться...

* * *

Павел Иванович Фесенко стоял наверху небольшой гривы в полуторах верстах от Гусиной Ляги. Он старался рассмотреть в бинокль противника. Рядом с Фесенко, сидя прямо на траве, дымил цигаркой Буряк.

— Как по-твоему, откуда скорей всего можно атаковать противника? — спросил Буряк.

Фесенко ответил не сразу. Он что-то соображал и часто поглядывал в сторону Ново-Песчаного... Еще ночью должен был прибыть с подкреплением Дещенко, а его все нет. Нет и связного

из Бурлы... Все это не на шутку тревожило командира повстанческих войск.

— Жду противника от полуказармы на 258-й версте, но надо ждать со всех сторон... — сказал Фесенко своему нач. штаба и стал прислушиваться.

Вот уже второй раз его чуткое ухо уловило звуки, похожие на дальнюю перестрелку.

Вчера вечером Фесенко, получив тревожные вести, двинул под Гусиную Лягу отряд, оставив небольшие заслоны в Славгороде и Черном Доле.

— Опять стрельба, — сказал Буряк. — Верно, от Бурлы пойдут атамановцы... Давай, Павел Иванович, команду перестраиваться.

— Неизвестно еще, подождем связных, тогда и командовать будем, чуть нервничая, ответил Фесенко. — «Неужели чертов атаман уже исправил мост и двинулся всем отрядом на Бурлу. Не выдержать тогда... Места для обороны неудобные... Вон ровень какая: ни кустика, ни холмика, ни кочки. У карателей хорошее вооружение, конница, в достатке боеприпасов. Не то, что у нас — по три патрона... — невесело думал Фесенко. Солнце только что взошло и начинало припекать.

Окопавшиеся у камышей по пригорку весело, по-утреннему, балагурили. Один из них, набрав в горсть сырой земли, сыплет ее за ворот уснувшему парню. Тот сначала поводит и трясет плечами, ворочает головой, а когда сырья холодная земля сыплется дальше к поясу, вскакивает и начинает сердито ругаться.

— Шо, ты, бугай хромоногий, шуткуешь над сонным чоловиком.

— Казаки и-д-д-у-у-т! — вдруг раздалось с левого фланга.

Действительно, по тракту от Бурлы надвигалось еще чуть заметное облачко пыли. Уже вскоре в бинокль можно было рассмотреть силуэты всадников.

Далеко впереди продвигавшегося отряда, распластавшись, как птица, летел на вороной кобыле связной Первашов (тот, который вчера спасся от атамановской расправы). Вот он поравнялся с Фесенко и Буряком, осадил на скаку лошадь, ловко спрыгнул с седла и, переводя дух, доложил:

— Станцию Бурлу забрали рано утром.

Фесенко больше не раздумывал. Его отрывистые команды следовали одна за другой. Отряд пришел в движение, перестраиваясь к обороне.

...Казаки приближались. В полукилометре от цепей красных отряд атамана начал медленно на ходу разворачиваться в лаву. Было видно не больше четырехсот всадников. Сто человек и отряд шипицких офицеров атаман оставил Денисову, приказав очистить дорогу на Славгород и неотступно преследовать Теребилло.

...Черной змеей развевалось знамя карателей, мелькая чере-

пом и костями. Сам Анненков, обнажив клинок, неся впереди отряда на светло-сером жеребце. Лава, всесокрушающая казачья лава карателей, во весь опор неслась на красные цепи. Замерли красные бойцы, держа наготове винтовочные прицелы, жалея каждый патрон, ожидая команды.

Но вот пулеметной очередью с тачанки Фесенко ударили в самую гущу лавы, в самый ее центр, хлестнул дружный залп... Еще и еще резанула по всадникам пулеметная очередь. Взметнулись, вздыбились и смешались белые ряды. Кто через голову коня, кто, откинувшись назад и скользя набок, падали казаки. Лава разбилась на две части и отхлынула обратно. Часть казаков спешилась, залегла, установила пулеметы и повела обстрел окопов.

Окопы молчали. Лишь изредка ответными выстрелами повстанцы давали знать, что готовы к отражению новой атаки.

— Слышишь! Как плохо мы отвечаляем, — обратился Фесенко к Буряку.

— Прекратить огонь! Готовься к контратаке! — передал по цепям Фесенко.

— Вперед! За мной! Ур-р-а!

— Ур-р-р-а! Бей беляков! — рванулись за Фесенко красные цепи.

— Вперед! — еще раз крикнул Фесенко, — наше дело правое! Бей кара...

Словно, споткнувшись обоими ногами, он вдруг грохнулся на землю, вытянув вперед руки...

Гибель солдата в бою замечает его сосед, гибель командира — весь отряд. Еще кричали «ура» повстанцы, еще упорно рвались вперед и вот уже достигли вражеской линии, смили ее, но воля их ослабела, порвалась какая-то нить, управлявшая всеми. И когда кто-то крикнул «обошли слева», когда второй крик «командира убили» врезался в души, повстанцы дрогнули. Многие повернули назад.

Казаки быстро оправились... Теперь они по всем направлениям преследовали бегущих.

— Стой! Стой, ребята! Стой! — кричал подоспевший с авангардной группой конников Петр Дещенко.

Но уже было трудно остановить бегущих. Все бешено мчались, прислушиваясь к своим стучащим сердцам... «Как бы не отстать от товарищей», — думал всякий.

...Буряк вместе с Мытром Скрипкой, уложив в тачанку труп Павла Фесенко, выехали с поля боя и остановились за гривой, позади залежшего в окопах отряда Дещенко. Он сам так же поспешил к своему отряду. Нельзя было допустить, чтобы паника передалась дальше. Громко и без тени волнения в голосе отдал Дещенко несколько команд. Бойцы первого и второго повстанческих отрядов, пропустив отступавших, ударили по карателям с флангов.

Не давая своим «головорезам» зарваться, Анненков приказал отступить.

Почувствовав силу подмоги, опомнились растерявшиеся бойцы четвертого отряда. Они присоединились к отряду Дешенко. Час-другой спустя, перестрелка постепенно стихла.

Молча стояли Дешенко и Буряк у тачанки с телом Фесенко. Молча подходили бойцы отрядов, сдергивали фуражки, останавливались, некоторые незаметно крестились.

— Наш долг — отомстить за командира, — тихо сказал Дешенко, принявший командование, — наш долг — отомстить за большевика Павла Ивановича Фесенко. Наш долг — продолжить его дело.

Все слышали эти слова.

Позади окопов, недалеко от дороги, чернодольские повстанцы похоронили своего боевого командира.¹

КАРАТЕЛИ В СЛАВГОРОДЕ

Смерть Буряка

Съезд Советов в Славгороде был назначен на 12 сентября. Уже приехало свыше восьмидесяти делегатов. Все они были размещены Ефремом Дмитриевичем Цирюлько по заезжим дворам и в номерах гостиницы.

Ефрем Дмитриевич остался один за целый Военно-Революционный Комитет, остальные были или на фронте, или проводили съезды Советов по волостям. И Цирюлько не щадил сил, он проявлял чудеса изворотливости и хозяйственной сметки. Одно только смущало его — он понимал, что не разбирается в политике. Правда, он «нутром чувствовал», что правы в делах революции большевики, что они та сила, которая выведет трудящихся из нужды, избавит от кабалы деревенских кулаков и городских буржуев.

Ефрем Дмитриевич разыскивал места для ночлега делегатов, устраивал дела с питанием, собрал по городу все трехведерные самовары, и теперь они беспрестанно кипели и фыркали на квартирах приезжих. Хозяйки стряпали делегатам вкусные обеды и завтраки.

Приехавший двенадцатого утром из-под Ново-Песчаного Роман Григорьевич Буряк уже целый час искал по городу деда Ефрема и, наконец, застал его на постоялом дворе, против «красной школы». Дед с делегатами сидел у самовара и вел разговоры...

— Что ты, Ефрем Дмитриевич, делаешь? Разве вы не слыхали, что нам пришлось бросить Гусиную Лягу, нас обошли и разбили. Я и Степан Бибик оставлены здесь, чтобы эвакуировать наши учреждения и боеприпасы. Разве вы не слыхали всего этого?

¹ См. прим. 6.

Анненков из Котлованки подходит к Черному Долу. Из Бурлы к Славгороду движется его поезд под командой Денисова. Каждую минуту надо ждать его в Славгород.

Буряк перевел дух, осмотрелся.

В комнате до того было полно пару от большого самовара и накурено так, что трудно было рассмотреть сидящих. Все внимание, встревоженные взгляды были обращены на Буряка.

— Надо немедленно распустить делегатов по домам! А то будет плохо! — Буряк сел на край скамейки, налил себе чаю и начал пить жадными глотками.

Зашумели делегаты. Многие повскакали с мест и пошли собирать сбрую и запрягать лошадей.

— Что ты смущаешь наших делегатов, Роман Григорьевич! — возразил Цирюлько. — Не так страшен чёрт, как его малют, — сказал старик, и спокойная, детски наивная улыбка вновь озарила его симпатичное лицо.

— Что ты, Митрич, одумайся... Не вводи в заблуждение добрых людей! Ведь не пощадят никого анненковские отряды карателей! Надо немедленно выбираться из города. Неужели ты думаешь, что с тобой, как с избранником народа, будет считаться этот бандит Анненков? Ведь и тебя и других, как капусту, изрубят и не задумается!

— Неверно, Роман Григорьевич, должен считаться, беспременно должен, — спокойно возразил Цирюлько. — А как же ты думал, ведь меня и на митинге избрали и на волостном Съезде Советов! Это, брат, не фунт изюму. Волк, самый лютый, и тот должен понять, что мы не шутки шутить сюда в Славгород приехали, а устраивать по-новому свою мужицкую жизнь, — резонно и спокойно, с мужицкой степенной деловитостью возражал Митрич.

Буряк махнул рукой, крикнул:

— Кто свою жизнь не хочет отдавать задарма, пусть уезжает. Соберем еще Съезд Советов, будет время. Он выбежал из хаты.

— Слыхал, Митрич, — спросил кто-то из делегатов, — что товарищ большевик сказал.

— Ну, что ж, что сказал... Он хороший человек, да только и хорошие ошибаться могут... Мы ведь выборные от простого народа... С нами Анненков беспременно будет разговаривать! — ответил Митрич на поставленный вопрос и повел рукой по бороде, очевидно, рассчитывая, что седая борода всегда может иметь решающее значение.

Часть делегатов осталась, другие поспешили по домам. Митрич, решив, что теперь уже некуда торопиться, остался допивать чай из огромного самовара.

А к вечеру с окровавленной головой, отсеченным ухом вскочил в комнату Венедикт Ященко из Черного Дола...

— Давайте, ребята, втирайте!.. Анненков в Черном Доле!

Москита, Бойко и Олу захватили в поселке и расстреляли на месте! Мытро Скрипка собрал свою семью, хотел на утек в Хабары!.. Не вышло. Поймали палачи за деревней, завернули обратно и на площади расстреляли... Подожгли деревню и грабят! Сейчас будут в Славгороде! Втирайте, ребята!..

Комнаты моментально опустели. Все бросились запрягать лошадей. Остался Ященко, которому страху перевязывала полотенцем раненную голову, и дед Митрич. Наконец, он тоже поднялся и, что-то бормоча, пошел в «красную школу»...

* * *

Клубы темно-коричневого едкого дыма подымались высоко над Чёрным Долом, языки огня лизали деревянные постройки. Как порох, пылали стоги немолоченного хлеба.

...На площади лежали трупы Мытро Скрипки, Дмитрия Мота и Григория Олы. Еще целая груда изуродованных тел — у церковной ограды. Родных не подпускали к ним.

Как зверье, выпущенное из клетки, почуяв кровь, метались анненковские каратели от одной хаты к другой, отыскивая себе новые жертвы. Казацкие лошади уже прогибали спины под тяжестью перекинутых через седла узлов с награбленным добром...

Буряк успел до занятия Черного Дола приехать домой. Но он уже не успел забрать и увезти семью. Ему пришлось залезть в погреб. Настасья Константиновна насыпала сверху земли и звалила соломой... Как ни искали Буряка казаки, как ни истязали его жену, но все-таки в этот день его не нашли...

Мало кому удалось спастись из тех, кто в последнюю минуту покинул Черный Дол, спасаясь от мести бандитов. Два сына Емельяна Ященко, добровольцы повстанческого отряда, забежавшие во время отступления домой, наткнулись на разъезд карателей. Младший успел скрыться, а старшего Федора нашли мертвого, изуродованного шомполами, саблями и штыками. Уши были отрезаны, глаза выколоты...

Сам Анненков не устраивал больше «показательных уроков», но не отказывал себе в удовольствии время от времени стрелять из окна в кого попало: в кошку, собаку, а подвернется — и человека.

Наконец атаман — он торопился занять Славгород — подал «сигнал отбоя». Разведка донесла, что город беззащитен. Красных войск нет... Свора матерых атамановских громил к вечеру налетела на притихший среди степей Славгород...

С гиканьем, свистом, криками, выстрелами, размахивая клинками, эта ватага заполнила пыльные улицы города. Рубила всех, кто попадал в этот момент навстречу.

Не успели делегаты съезда выехать из заезжего двора, как нагрянули анненковские молодцы. Первым был изрублен на куски у калитки пытавшийся убежать Венедикт Ященко...

На шум выскочил из школы Ефрем Митрич Цибулько. Он попытался вступиться за Ященко.

— По какому такому праву добрых, безвинных людей, наших делегатов, рубишь?! — бросился он к пьяному казаку, намереваясь схватить за недоузок казачью лошадь.

— А ты кто такой, старая сволочь? — заорал, наезжая на него, казак Ануфрий Беспятый.

— Кто я?! — пятился Митрич. — Кто я? Я избранник народа! Я делегат съезда Сове...

Свист казацкой шашки прервал Ефрема Дмитриевича Цибулько.

— На тебе! Совдепская гадина!.. — Хрустнули позвонки, и покатилась по земле голова старика. Седая борода окрасилась кровью.

Накинувшись на заезжих, каратели не выпустили ни одного делегата. Их изуродованные трупы два дня валялись в пригоне.

Потоками крови был залит в эти дни Славгород...

* * *

...Все колокола трезвонила колокольня... У церковной паперти с иконами, крестами и хоругвями стояли три славгородских попа в праздничных блестящих ризах. Рядом с попами стоял городской голова Самарский и член городской управы Трубецков. Оба они держали на серебряном блюде, покрытом полотенцем, хлеб с солью. По другую сторону попов стояли: председатель земской управы эсер Девизоров, учитель Синявский, купцы: Ховрин и Дитин, за ними толпа «молящихся» — купчихи, попадьи, поповские дочки, жены «отцов города» и неизменные спутницы всяких церковных парадов — старушки — «христовы невесты».

Певчие уже третий раз пели «Спаси, господи, люди твоя», просили «победы благоверному боярину Борису». Наконец, он снизошел к настойчивому требованию попов и «отцов города». Правда, вместо себя на «церковный парад» он прислал своего штабного офицера Остапа Шевченко. Самому Анненкову было некогда возиться с попами. Он творил свой суд и расправу над захваченными в плен чернодольскими повстанцами...

* * *

Атаман сидел на раскидном стуле на перроне, у салон-вагона и просматривал список арестованных. Вокруг атамана молча толпилась его свита: начальники эскадронов, ротные и полуротные командиры.

Временами, отрываясь от списка, Анненков обращался к срочно вызванному эсеру Девизорову.

— Скажите, кто такой Буряк? Не знаете ли Фесенко? Где он живет?

Девизоров охотно отвечал.

— Капитан Денисов, составили телеграфное донесение в штаб командующего войсками?

— Начал составлять, брат атаман, еще не кончил, — быстро ответил тот, вынимая из полевой сумки записную книжку.

— Напишите, капитан, — диктовал Анненков, — после упорного сопротивления противника у Гусиной Ляги, Бурлы и Черного Дола Славгород взят. Противник понес большие потери: разгромлен окончательно. Продолжается по всем направлениям преследование бегущих повстанцев. Спасенные от зверств большевиков, граждане Славгорода восторженно приветствовали избавителей.

Анненков встал и, ни с кем не простившись, пошел к арестантским вагонам. Сегодня в Черном Доле и Славгороде он лично «допросил» свыше шестисот человек. Почти все они потом были расстреляны...

У товарных вагонов, в плотном кольце «черных гусар» было выстроено еще около сорока арестованных. Здесь были товкуновские мужики Петр Скляренко, Степан Школа, Иван Пепский, здесь был и дед Прокопий Собко вместе с внуками Сергеем и Романом. Их выдал Анненкову подкулачник Никитченко. Первым с правого фланга стоял Роман Григорьевич Буряк. Сегодня, как только после ухода карателей из Черного Дола Буряк вылез из погреба, его схватили, связали, избили и доставили в Славгород к Анненкову кузнец Крупятник, торговец Бруслицкий и деревенский староста Градов. Они следили за Натальей Константиновной и ее хатой и не зря: сумели выслужиться перед атаманом.

Анненков уже знал, что Буряк был начальником штаба чернодольских повстанческих отрядов. И теперь предвкушал свою расправу. Он несколько раз молча прошелся вдоль шеренги арестованных. Наконец, чуть улыбаясь, спросил:

— Кто Буряк? Выходи!..

С правого фланга отделился и подошел плотный человек в старом черном солдатском мундире без погон. Лицо Буряка было в страшных кровоподтеках. В стриженых «под ежика» волосах застыли сгустки крови, на затылке клоком висела сбитая прикладом кожа. Защитного цвета брюки были в свежей крови. Но глаза Буряка черные, живые, блестели по-прежнему. Буряк подошел и смело, с вызовом, глянул на атамана.

— Буряк, ты большевик и бывший начальник штаба повстанцев?

— Да! — громко ответил Буряк.

— Ишь ты, какой храбрый! — левая бровь атамана подпрыгнула.

— А ну, укажи, кто из стоящих здесь большевики, тебе будет за это облегчено наказание!

Атаман подошел вплотную к Буряку.

Тот молчал и смотрел прямо в волчьи глаза атамана.

— А ну, говори, гад! — атаман взмахнул стэком, намереваясь ударить по лицу. Буряк наклонился вперед, как бы спасаясь от удара, и ловко вырвал из рук Анненкова список. Мгновенно изорвал его и затоптал босыми ногами в грязь.

— Все рабочие, все трудящиеся Славгородского уезда большевики! Понял, белогвардейская харя?! — громко закричал Буряк.

Как ужаленный, подпрыгнул атаман. Еще никто из арестованных не смел так говорить и действовать на допросах.

— Изрубить в куски! — истерично взвизгнул каратель. Лицо его перекосилось, глаза выкатились и налились кровью. — Всех, всех, всех изрубить! В куски!

* * *

За линией железной дороги, неподалеку от озера Ярового, анненковцы расправлялись с повстанцами. Партию арестованных пригнали к озеру и заставили копать ров. Затем их расстреляли и побросали в этот ров. Привели вторую партию арестованных и они, засыпав тела своих товарищ, выкопали другой ров, в который полегли сами. Пришла третья партия...

Тут же, над надзором казаков анненковские добровольцы упражнялись в рубке.

Сюда-то в ночь на 12 сентября и привели Романа Буряка и его товарищей. Перед этим его пытали: выкопали глаза, отрезали нос, уши, посыпали раны солью. Буряка зарубили вместе с другими партизанами.

В течение недели около озера валялись неубранными изуродованные трупы, головы, руки, ноги, вырванные внутренности. Голодные псы таскали кишki, грызли человеческие головы, дрались из-за костей. С карканьем носилась над этим местом туча вороны.

Долго Настасья Константиновна искала здесь останки своего мужа, и только в одном трупе с отрубленными руками и ногами и вырванным собаками животом по пуговицам на вороте рубахи она узнала Романа Буряка.

Ночью, крадучись, родственники погибших выкопали братскую могилу и похоронили героев.

...С такой неслыханной жестокостью, с благословения эсеро-меньшевистского Временного Сибирского правительства, Анненков расправился с повстанцами и с мирными делегатами Славгородского крестьянского съезда. Лишь за один день 11 сентября близ озера Ярового было расстреляно и зарублено анненковцами около 700 человек.

Всего в Славгородском уезде карательями было расстреляно, заколото, замучено более 1600 крестьян — участников Чернодольского восстания.

Контрреволюционное временное сибирское правительство приняло все меры, использовало все силы, чтобы подавить чернодольское восстание, беспощадно расправиться с его организаторами и участниками.

Восставшим не удалось противостоять карательному отряду атамана Анненкова, поддержанному сводными офицерскими частями. Силы красных отрядов были слишком слабы. Плохо вооруженные, без боеприпасов, а порой и без продовольствия, они были вынуждены отступить и в ряде боев потерпеть поражение.

Причины разгрома чернодольского восстания кроются в недостаточной подготовленности к вооруженному выступлению. Славгородскому уездному подпольному комитету партий к тому времени еще не удалось наладить крепкой связи с другими уездами, городами и селами Сибири. Поэтому в нужный момент они могли не поддержать чернодольцев. Предполагавшаяся забастовка железнодорожников в Омске сорвалась. Ошибкой руководителей чернодольского восстания было то, что они после разгрома белогвардейцев в Славгороде упустили возможность молниеносного захвата в свои руки Кулундинской железной дороги, Татарска и Барабинска. Потеряв время, повстанческие части уже не могли выполнить план захвата Барабинска и Татарска: встретили организованное сопротивление офицерских отрядов.

Ошибочным было и то, что силы партийной организации были отвлечены на созыв Уездного Съезда Советов. Председатель Укома Евмин был вынужден все время разъезжать по волостям, организуя выборы делегатов на съезд, и почти не занимался военными вопросами, вербовал в повстанческие отряды.

Сыграли свою роль и проникнувшие в ряды восставших различные подкулачники, враждебно настроенные торговцы.. Они активно вели свою разлагающую работу.

Но, как ни горько было поражение чернодольского восстания, дело его не пропало. Оно окончательно убедило беднейшее крестьянство Сибири, что только железное руководство пролетариата и его большевистской партии спасет крестьянство от капиталистической эксплуатации и насилия.

Чернодольское восстание послужило сигналом к новым революционным выступлениям. Славгородская партийная организация, хотя и понесла большие потери, не прекратила своей деятельности.

Из остатков чернодольских повстанцев в селе Вострово организуется Чернодольский партизанский полк под командой Теребилло, 12-й Карасукский полк — под командой Дещенко, 1-й Славгородский полк и ряд других партизанских отрядов. Вскоре они влились в партизанскую армию, во главе которой стоял Ефим Мефодьевич Мамонтов. Эта армия не знала поражения в борьбе с контрреволюцией за установление Советской власти на Алтае.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. (к стр. 227). Картину организации восстания автор рисует несколько упрощенно.

Организаторами Чернодольского крестьянского восстания следует считать красногвардейцев славгородского отряда, принимавшего участие в боях с наступающими интервентами на славгородской ветке в мае—июне 1918 года. Отступив под напором превосходящих сил противника, 15 июня в лесу, близ д. Луковки Каменского уезда, красногвардейцы устроили совещание. Они решили разойтись по селам, сохранить оружие и начать подготовку к вооруженному восстанию. Прощаясь, каждый дал клятву: до последней капли крови бороться за восстановление Советской власти в Сибири.

После этого многие из них разошлись по селам Славгородского уезда. Там они начали подпольную работу среди крестьян. Временами красногвардейцы собирались вместе и обсуждали план действий. План был таков: усилить разъяснительную работу среди крестьян, подготовить и осуществить восстание; захватить Славгород и, воспользовавшись оружием, отнятым у белогвардейцев, создать партизанскую армию.

18 августа красногвардейцы собрались снова и решили не допускать призыва крестьянской молодежи в белую армию. В тех селах, где они проводили работу, на призывные пункты никто не явился. Некоторые красногвардейцы — Фесенко, Буряк, Коваленко, Романенко, Рем, Рукас — стали командирами повстанцев.

Среди организаторов восстания были питерские рабочие, посланные в Сибирь Лениным в начале 1918 года. Как показывает автор, чернодольские повстанцы имели связь с Сибирским областным партийным центром.

2. (к стр. 232). Вскоре же после белогвардейского переворота в Славгородском уезде создались подпольные большевистские организации. Ядром организаций были питерские рабочие, посланные в Сибирь Лениным в 1918 году, а также бывшие фронтовики. Организации существовали в Славгороде и в ближайших селениях: Черном Доле, Картояке, Подсосново, Хабарах, Утянке и др. Был создан подпольный комитет, объединявший деятельность всех организаций. Председателем комитета был П. И. Фесенко и членами — Р. Г. Буряк, Е. Д. Кононов, Н. О. Горностаев, Е. П. Теребилло, П. П. Дещенко, Ф. Ю. Михеев, С. С. Толстых, Я. Я. Рем и другие. Члены организации собирались и обсуждали план восстания, готовили оружие, вели агитацию среди крестьян. Первоначально намечено было организовать восстание в октябре 1918 года. Однако, обстоятельства побудили комитет поспешить с началом восстания.

В конце августа 1918 года Временное Сибирское правительство объявило призыв молодежи рождения 1898—1899 гг. в белую армию. Мобилизованные должны были явиться на призывные пункты к 4 сентября. За неявку им угрожал военно-полевой суд.

Мобилизация возмутила крестьян, которые не желали отрывать своих детей от полевых работ, посыпать их против своих же братьев, рабочих и крестьян. Поэтому подпольный комитет считал нужным начать восстание: 31 августа.

3. (к стр. 239). Организация повстанческих отрядов была поручена большевистским *подпольным комитетом Славгородского уезда бывшему заместителю председателя Славгородского уездного Совета Н. О. Горностаеву. Был избран «военно-революционный рабоче-крестьянский штаб», который взял на себя руководство восстанием и всю полноту власти на территории восстания, в составе: Р. Г. Буряк — начальник штаба, С. Г. Светлов — секретарь, члены: И. Кикота, Н. Собко, Маслак, А. Кононов, Ф. Михеев, Г. Загрумный. Главнокомандующим повстанческими отрядами был назначен П. И. Фесенко. Первоначально повстанцы были разбиты на три отряда, которыми командовали Ф. Т. Коваленко, М. Е. Рукас и И. А. Киселев. Впоследствии были организованы еще два отряда под командой И. И. Романенко и Я. Я. Рема.

4. (к стр. 244). Окружение Славгорода производилось в трех направлениях. Отряд под командой Коваленко обходил город с западной стороны, отряд, которым командовал Рукас, — с восточной, а отряд Киселева направился к центру города. Более слабо вооруженным отрядам Рема и Романенко было дано задание: освободить из тюрьмы политических заключенных. Отряды бесшумно окружили город и сделали налеты на расположенные в разных концах города войсковые казармы и тюрьмы. Белогвардейский гарнизон был разгромлен. Уцелела только офицерская рота в 250—300 человек, которая вырвалась из окружения и направилась в сторону ст. Бурлы. В городе, занятом повстанцами 2 сентября 1918 года, был установлен революционный порядок.

5 (к стр. 253). Текст обращения:

«Товарищи!

Славгородский военно-революционный крестьянско-рабочий штаб, счи-
таясь с совершившимся фактом перехода власти в руки крестьянско-рабочей
массы, выдвинутой самим трудовым народом, вступая в исполнение возло-
женных на него обязанностей, сознавая важность переживаемого момента,
стоя всецело на охране тишины и спокойствия населения, призывает всех
исполнять свою работу и ни под каким видом не прекращать ее, не верить
ложным провокационным слухам, распространяемым врагами народа.

«Воздержаться и отнюдь не допускать злонамеренных слухов, помня, что
каждый из виновных, распространяющий слухи, является изменником на-
рода, за что будет привлекаться к ответственности.

«Населению вменяется в обязанность установить самоохрану в кратчай-
ший срок, донеся в штаб о квартальных старостах.

«Все обыски и аресты производятся по ордерам штаба.

«Впредь до особого распоряжения строго воспрещается движение по
улице без пропусков с 8 час. вечера до 5 час. утра.

«Крестьянско-рабочий штаб».

(См. сб. «Партизанское движение в Западной Сибири». Новосибирск,
1936 г. Стр. 23—24).

6 (к стр. 265). После занятия повстанцами Славгорода военно-революционный штаб направил повстанческие отряды на ст. Бурла, где они должны были укрепиться и ожидать противника. В Славгороде тем временем шла подготовка к уездному съезду Советов, который решено было созвать 12 сентября и на котором должен был стоять вопрос о дальнейшем наступлении на Павлодар, Ново-Николаевск, Омск...

7 сентября на ст. Бурла прибыл эшелон противника, который остановился у сорванного моста и повел пулеметный обстрел повстанческих отрядов, а затем направился к ст. Карасук. 9 сентября конные казаки охватили повстанцев с двух сторон и зажгли пристанционные постройки. Среди повстанцев началась паника, и они стали отходить от ст. Бурла.

П. И. Фесенко с небольшим отрядом в 130 человек находился на заставе близ пос. Гусиная Ляга. Белые, напав на заставу, порубили много повстанцев и подожгли поселок. Сам Фесенко мужественно отбивался и, когда кончились патроны, он бросился в рукопашный бой. Он был изрублен казаками.